

Альбина Георгиевна Акритас, действительный член Российской академии художеств, член Союза писателей России. Работы Альбины Акритас хранятся в Государственной Третьяковской галерее, в музее Изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, в Русском музее в Санкт-Петербурге, а также в частных коллекциях России и зарубежных стран. В 1995 году вышел первый сборник стихов.

Приношу глубокую благодарность коллективу редакции Наро-Фоминской газеты "Основа", администрации Наро-Фоминского района, в котором я живу, и главе района Владимиру Ивановичу Крамкову за помощь в издании этого сборника.

Альбина Акритас

Альбина
АКРИТАС

КАЛЕЙДОСКОП

1999 год

ББК 84 Р6

А 40

Акритас А.Г.

А 40 Калейдоскоп. - М., 1999. 200с.

Под редакцией Владислава Зданкевича

Дизайн и верстка издательского
комплекса газеты “Основа”.

*Посвящается двухсотлетию
со дня рождения А.С. Пушкина*

КАЛЕЙДОСКОП

(отрывки из поэмы)

Калейдоскоп - игра, состоящая из картонного цилиндра, наполненного цветным стеклом и перегороженного зеркалами. Вращая его, вы можете наблюдать неповторимые узоры.

Инструкция на коробке

Недавно, утречком в субботу,
На завтрак съевши апельсин,
Я по дороге на работу
Свернула в новый магазин

Купить шампунь. Потом зашла
В отдел, где продают игрушки.
Смотрю - коробка, надпись - "Пушкин.
Калейдоскоп". Ей-богу, зла
Не хватит, чтобы заклеить
Все ширпотребы к юбилею!
Ах, бизнесмены, ах, злодеи!
Аж сердце начало щемить.
Ни капли уваженья нет
К тебе, любимый мой поэт!
Купила, чтоб поменьше было
Дешевки. Так недорога
Была игрушка, что купила,
Как уничтожила врага.
Поглубже в сумку затолкала

И целый день с собой таскала.

Валялась сумка в мастерской,
Моей работе не мешала.
Потом стемнело, я устала,
Оделась, побрела домой...

Поужинала, спать легла.
А ночью мне приснился Пушкин.
Неясно... Застилала мгла
Окрестность. Вроде бы речушка
Нас разделяла... Он вертел
В руках коробку из картона.
Протягивал, отдать хотел.
Я вмиг узнала цвет зеленый -

Та самая, что в магазине
Мной нынче приобретена!
Но тут была прекращена
Немая сцена, серо-синий
Разлился предвечерний свет,
И в нем растаял мой поэт.

Я сон забыла. День прошел.
Опять до темноты писала,
Как камни острые тесала.
И то казалось хорошо,
То плохо, вместо красок студни...
Что делать - творческие будни.
А ночью вновь калейдоскоп
Мне предложил поэт любимый.
На рынке встретились, я мимо
Почти прошла, и вдруг озноб -
Стоит торгующих в ряду,

Стоит и продает игрушки!
Спросила: “Вы, простите, Пушкин?
Вот, денег нету на беду!
Я все бы, все у Вас купила!”
Он улыбнулся: “Очень мило!
Я тут припас кой-что для Вас”.
И сверток подает знакомый -
Калейдоскоп, забытый дома.
И говорит: “Вы не сейчас,
Мне после деньга отдадите,
Я здесь всегда. Вы поглядите -
Неординарная забава...”

Тут танки поднаперли справа,
Я очутилась на шоссе,
Голосовала... и проснулась...

Вновь день прошел. Когда ж вернулась,
Из мастерской, игру шерше,
Искала то есть, и нашла
В прихожей; сверток развернула,
К глазам цилиндрок поднесла,
И моментально внутрь ушла,
В потустороннее нырнула.

Влетела... Ни прихожей рядом,
Ни кухни, ветер вроде бы,
Кругом поля под снегопадом,
Дыхание чужой судьбы.
Крутнула - город накрутила,
Аркады, классика, ампир...
Да, видно правду говорило
Название - знакомый мир,
Знакомый с детства - пелерины,

Улыбки, капоры, меха,
Архитектура неплоха,
Общенья этикет старинный,
Лорнеты, муфты...

Ай да трубка!

Всего лишь горсточка стекла
А как собою увлекла!
Я поскорей надела шубку,
Берет; я думала, что мне
Картинки севера покажут,
Но очутилась вдруг на пляже
И непосредственно в волне!

Конечно, выскочила из,
Берет отжала, шубку тоже,
Смотрю - вокруг полно прохожих,
Одесса, осени стриптиз.

Автобус вышел на маршрут,
Его обходят иномарки,
Денечек, скажем так, нежаркий,
Осенний южный неуют.
Предчувствий сладостных полна,
Я понимаю - угодила
Туда, где гения любила
Полумилордова жена.
Вот только б годы поменять
Столетия так на полтора бы...
Крутнула трубочку - неслабо!
Еще годков на двадцать пять
И хватит! Двадцать третий год..
Вон, у причала тот, кто нужен.
Я заказать успею ужин
Пока по лестнице взойдет.

Здесь точки, точки, строчек тридцать,
В них побледневшая луна...
Бутылка опустошена,
Но неохота расходиться.

Общаемся уже с трудом,
Я придремнула меж тарелок...
Приснился освещенный дом,
Весь полный дорогих безделок;

Колонны, статуи, цветы -
Ну, словом, снова песня та же;
Опять между гостями ты,
Не разодет, не напوماжен,
У двери с Дельвигом своим
Стоишь, толкуешь о журнале,
Смеетесь... После таять стали,
И я проснулась.

Пилигрим!

Ах, пилигрим, душа моя!
Как путешествовать умеет,
Над прозаизмом бытия
Своими тайнами довлеет.

Не мысля разлучиться с ней,
И я туда же за пределы
Лечу на свет ее огней,
Покинув дремлющее тело...

Безумье тайное иль тайна
Безумная - мне все равно,
Коль можно ускользнуть в окно
И приземлиться на окраине
Другого мира, слов других,
Взаимоотношений, веры...

На помощь, милиционеры!
Пора пресечь стихов моих
Псевдопремудрые химеры!

Пора работать, день настал,
Ждут в мастерской холсты и краски.
Уж трудолюбия оскал
Тревожит жесткою подсказкой

Беднягу-совесть... Командир!
Постой, лишь уберу игрушку,
Луну и тайную пирушку,
В стекле упрятавшийся мир.

Еще надежнее упрячу
Приобретенную удачу.

Ищу... и не могу найти -
Ни трубки нету, ни коробки...
Я в магазин - тетради, кнопки,
Медведи, зайцев ассорти...

Я к продавцу: "Калейдоскоп
Здесь был вчера! Вы мне продали!
(Иль продали? Плевать! Что в лоб,
Что по лбу!) Как, Вы не видали?!"
Такое вряд ли может быть.

Я ж в кассу за него платила!
Вчера поутру это было...
Не помните?" Что толку ныть...

“Не привозили. Я б нашла
Для Вас”, - завскладом мне сказала.
Я поняла и замолчала.
Нет, ничего не поняла!

Ушла на улицу, а там
Метель с морозом флирт крутила.
Мешала двигаться людям...
Да людям, людям! Пошутила...

По черной наледи гуськом
Текли нарядные снежинки;
Ларьки, деревья, школа, дом -
Давно знакомые картинки

Реальны были, только я
Вдруг выпала из содержанья
Реального существованья,
Размеренного бытия.

Возможно, с крышей нелады...
Но я ж не соврала нимало,
Лишь под воздействием среды
Повествованье причесала!

Мне было грустно, а вокруг
Зима плясала танец белый.
Мороз с природою сам-друг
Шутил, от страсти обалдельий;

Ее рядил то в жемчуга,
То в аметисты, то в алмазы,
В сугробы собирал снега,
И кучерявые, как фразы,

Деревья то опустошал,
На них бросая ветер шалый,
То вновь спокойствием дышал
И хрустальными украшал
Ветвей высокие порталы.

Машины, фарами блестя,
С трудом ползли через завесу...
Служа рождественскую мессу,
Метель резвилась, как дитя!

Окошки розами цвели,
Пионами... а люди были
Как призраки, бесшумно плыли,
Почти не трогая земли.

Все-все начала и концы
Смешались в хаосе исконном,
Безумном, противозаконном...
И слышались определенно
В метели светлой бубенцы.

1998-1999

*Лицейские, ермоловцы, поэты,
Товарищи, вас подлинно ли нет?
В. Кюхельбекер*

Ах, сколько же всего тебе я написала!
Словами, будто бы цветами забросала.
Ты моя осень. Я от лета подустала,
От пыли, зелени, любви и криминала.

С тобой свидания, любимый, не искала.
Туманной мистике в себе не потакала.
Нет, просто, едучи, поводья отпускала,
Разнообразная дорога увлекала.

И как-то вечером подъехала к жилищу.
В окошках свет, как угольки на пепелище,
Река недвижимая и лодка кверху днищем,
И звезды светлые над брошенным кладбищем.

Чуть слева огород, плетенкой обнесенный,
Повсюду аромат, повсюду воздух сонный,
За речкой виден луг, в тумане потопленный,
Как будто белою периной утепленный.

Смотрю - выходишь. Нет, не зря тебе писала,
Слова любви в потустороннее бросала.
Узнал, смеешься: "Ну, привет! Поди устала.
Входи, остынь от многодневного скандала.

Входи, я клюквой угощу и крепким чаем.
Мы здесь Лицея годовщину отмечаем.
Мы снова вместе, и разлуки не страшимся.
Входи, садись, сейчас немного потеснимся”.

За стол присела. Боже мой, что за компания?!
Ну как же, как я не предвидела заране?
Мой фотоаппарат... Как хорошо, в кармане!
Все, все поместимся на маленьком экране.

Не представляй, зачем? Всех знаю поимённо:
Крот, Швед, Кирпичный брус и милый, полусонный
Любезный Тосенька; Медведь, не обойденный
Твоей трагедией, и очень вверх продленный

Большой Жанно... Всегда представить их стремилась,
Но чтобы свидеться... Как славно получилось!
А вот и Кюхель, Бекеркюхель, не забылось
Его - “Лицейские, ермоловцы...”

Сместилось,
Сместилось время здесь. Как хорошо мне с вами!
Ах, осень жизни, изобильная плодами,
Тебя ль встречаю? Ты ли даришь мне всё это?
Вот за столом они - ермоловцы, поэты!..

И милый Кюхель, он теперь нашел ответ.
Он восклицал: “Друзья, вас подлинно ли нет?”
Теперь глядит и словно жмурится от света -
Вокруг лицейские, ермоловцы, поэты...

Нет, этих годовщин не переотмечать,
Затем, что круг друзей лицейских не редет,

Ведь время ими абсолютно не владеет,
Француз ссудил друзьям бессмертия печать!

И недругам ссудил, простивши их грехи.
Ну что считаться? Участь больно уж неравна.
Вильгельм, ну почитай, пожалуйста, стихи.
Пусть снова будет кюхельбекерно и славно!

1996

На сердце нарезки,
Как тексты на пыльных руинах,
Все в датах оно, в именах бесконечных и пестрых.
Горят арабески... Гвоздем или ножиком острым,
Иль краскою просто, в различном размере и стиле

Оставлены надписи - были, мол, были, гостили...
И сердце одних провожало слезами утраты,
Других - с облегченьем, а третьих - без всякого чувства.
Руиною стало, что было любовью когда-то,
Враждою, доверьем иль просто общенья искусством.

Но вот к перемене погоды настойчиво ноет,
Как будто бы предостеречь от ошибок желая;
И хочется бедное сердце погладить рукою,
Его успокоить - не бойся, я помню, я знаю...
1997

Теперь вокруг стоят дома,
А раньше был забор, кустарник,
Данзас, трагический напарник,
И ярко-белая зима.

Теперь трамвай невдалеке,
Его звонок тревожит уши...
Тогда здесь было тише, глуше,
И стыли пальцы на курке.

Трагедии ковалась медь,
Шинель барьер изображала,
И пуля тяжкая лежала
В стволе, как спрятанное жало,
Ждала возможности лететь.

В конце полета сердца стук
Остановила, прекратила...
Морозно было, снежно было.
Краснел испачканный сюртук.

Теперь здесь скверик меж домов,
Как будто узелок на память,
И город, что собой обрамить
И охранить его готов.

На клумбе серый обелиск -
Дань уважения поэту,
Ни выстрелов, ни крови нету.
Ну а вокруг по трафарету
Течет размеренная жизнь.

Трагедии премудрость спит..
Но тем, кто в скверик забредает,
Вновь секундант шаги считает,
И ужас душу леденит.

К подошвам липнет красный снег,
На нем подранок шевелится,
И гомонят на ветках птицы,
Дуэли праздную успех.

1997
Санкт-Петербург

Вода, обычная вода,
Всех на земле начал начало.
Мне кажется, прекрасно знала
Я эту истину всегда.

Но не рассудком, головою,
А сердцем знала, ощущеньем,
Я счастлива была с водою
В естественном соединенье.

В бассейне, речке или в ванне
И даже просто под дождем.
Как к другу любящему в дом,
Спешила к морю на свиданье.

Всегда мечтала от земли
Уплыть в соленые просторы,
Чтоб лишь акулы, корабли,
Шторма, на горизонте горы,

И ветер с солнцем пополам...
И никаких чтобы народов,
Строений, человеческих драм,
Любви, смятений, огородов...

Одна вода, как божество,
Для питья и для купанья -
Стремленье сердца моего,

Его сладчайшее желанье.

Еще огонь, он тоже мил,
Горячий, чистый. Я б хотела,
Когда умру, чтоб мое тело
Он моментально истребил,

Испепелил, облагородил,
И пепел ветру передал,
А тот унес и раскидал
В необитаемой природе.

Пускай над морем иль рекой
Развеет то, что мною было:
Огонь, полет, вода, покой...
Останусь на земле строкой,
Одетой в синие чернила.

1993

Какая щемящая нынче весна,
Снег тает так тихо, смиренно,
Туманная, выцветшая пелена
Смягчила контрасты вселенной.

Рефлексами теплыми весь освещен,
Бесшумный, почти что крылатый,
Моей электрички последний вагон
Уходит в пространство заката.

Соседи читают. Им час-полтора
Бок о бок качаться в вагоне:
Политика, моды, реклам мишура,
Газеты “Сегодня”, “Намедни”, “Вчера”...

А солнце за окнами тонет
В темнеющей чаще и в синем снегу,
В заборах, домах золоченых,
В прозрачных деревьях, в стогах на лугу,
В проталинах узеньких черных,

В остынувших лужах... Весь мир за окном,
Как пепел и теплые искры.
Все ехать и ехать, и ехать бы в нем
Разнеженно, мягко, не быстро.

Какая щемящая нынче весна...
Так грустно и хочется плакать

О бедах земли, что восстала от сна,
О снеге, что вырулит в слякоть,

О вечере тихом, об умершем дне,
О тщетной за счастьем погоне,
О белой зиме, о тебе, обо мне,
И о золотой безмятежной весне,
Что едет со мною в вагоне.

1996

Установлены кем-то, зачем-то, когда-то
Нашей суетной жизни конкретные даты,
Предусмотрены встречи, разлуки, кончины,
И сокрыты всех этих явлений причины.

Мы никак не умеем до сути дорыться,
Хоть стараемся очень, и верим - открыться
Может истина нам, если очень и очень
Постараемся.

Нет, навсегда обесточен

Человеческий разум, возможности нету
Из неведенья рабского вырулить к свету.
Ну и где-то слегка провиденье подправить,
Где-то радости, где-то покоя прибавить,
Где-то чуть доброты, где-то честности просто.

Нет, не можем пройти в учрежденье, где госты
Создают и спускают, спускают, спускают,
Все поступки заранее нам предрекают.

Мы порой возмущаемся, даже бунтуем,
Вопрошаем, шумим - все, конечно, впустую.
Нет ответа, молчат канцелярские сферы,
У чиновников очень дурные манеры.

1998

Какая тайна, ну какая тайна
Была тебе доверена творцом?
Твоим таинственным и любящим отцом,
Тебя убившим... Видно, тоже не случайно.

И в самом деле, дольше жить тебе,
Возможно, не было ни смысла, ни причины.
В единой человечества судьбе
Ты сделал столько, что и половины

Не сделать никому и никогда.
Ты столькими людьми распорядился!
Не только рядом жившими - сюда,
В тюрьму души моей чрез сотни лет явился.

Явился, все законы изменил,
Расположился в ней, словно хозяин,
Пленил, бразды правленья захватил,
От сердца и до самых до окраин.

И сердце позабыло сразу всех,
Стучит тебе, любимому, покорно.
И вспоминает цепь шагов у речки Черной,
Барьер и выстрелы, и покрасневший снег...

Все повторяется, как неотступный сон.
Род помешательства? Но я совсем нормальна:
Деревья белые плывут, мутит реально,
И кто-то черный надо мною наклонен...

Трясущиеся сани, жар и боль,
Никиты руки, простыни, повязки,
И обмороки, и удушья маски,
И тихий голос - соль земли... При чем здесь соль?

Все это ты - в себя меня втянул,
В Одессу, в оперу, в салонные интриги,
В страстей темно-вишневые вериги,
В прозрений творческих потусторонний гул...

Ну да, я помню, помню, как свои,
Хоть никогда и близко не бывала -
Египетских поэтов мадригалы,
Бахчисарая звонкие струи

И зеркала михайловских прудов -
Они для сердца более реальны,
Чем жизнь в бетоне дымных городов
В конце двадцатого, чем занавеска в спальне...

В чем дело, право? Силою какой
Ты подчинил, переиначил время,
Материальности разрушил бремя
И смысл своею светлою тоской?

Любимый! Нет, не я одна была
Твоим крылом спасительным укрыта!
Нет, и других любовь к тебе спасла
От ужасов компьютерного быта.

Ужель устроил в мироздании дыру?
Ужель сумел? Подумать страшно и приятно.
Ну так держи меня, не отпускай обратно,
Держи, иначе затоскую и умру!

1997

КРАСАВИЦЕ

*Ты прав. Что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
А. Пушкин*

Берет надвинут до бровей,
Кроссовки, плеера затычки...
Ты едешь утром в электричке,
Пронзительна, как сухоей.

Как ветер резкий и сухой,
Что все сомнения сдувает:
Конечно, лучше не бывает!
Конечно, кажутся трухой

Все рядом - две твои подруги
В своем неведенье невинном,
Все мисс Америки, все кино
И телезвезды... В узком круге

Средь совершенной красоты,
Сегодняшней, грядущей, бывшей,
Лишь ты, конечно, только ты,
Все наши беды испуившей,

Такой сияешь красотой,
Что у меня теснит дыханье,
Что в сердце лишь одно желанье
Сказать мгновению: "Постой,
Остановись!" Не подчинилось
Мгновение. Зато вагон

Остановился. Дружно вон
Толпа людская устремилась.

Платформы серенькой галдеж,
Огней рекламных пестрый веер...
Ты поднялась, ты прячешь плеер,
Со всеми к выходу идешь...

Я тоже. Мне бы поскорей
Убраться вон из электрички,
Покуда грозный сухой
Не сдунул все мои привычки!

Не сделал ко всему глухой,
Как от контузии в сраженье.
Покуда мир с тобой в сравненье
Не показался мне трухой.

1996

Планета неблагополучий
Летает, кружится, горит.
Над нею ветер, солнце, тучи,
На ней вулканы, как в падучей,
Колотятся, окрестный вид

Субтропиками обустроен
И ледяною белизной,
То разрыхляется весной,
То холоден и успокоен.

В нем океанов и морей
Лежит зеленое пространство,
И черных бурь непостоянство
Тревожит семьи рыбаей.

В нем язвы наших городов
Произрастают без зазрения,
Как ядовитые растения,
Нагроможденья самомненья,
Плоды неправедных трудов.

Планета неблагополучий...
Что может быть ее грустней?
Что может быть светлей и лучше
Для нас, которым выпал случай
Существования на ней.

1997

*И изыдут творившие добро в
воскресение жизни, а
творившие зло в воскресение
осуждения.*

Евангелие от Иоанна

Законa смысл не изменю ни для кого!
Как ни стараетесь, ни молитесь, ни льстите!
Ведь я не просто милосердный небожитель,
Я - правдолюбец, я крутое существо!
Вы иль не видите, иль видеть не хотите.

На что надеетесь, мне фимиам куря?
Что обойдете справедливость? Что отсрочку
Себе получите? И, полно, это зря!
Ни многолюдием молясь, ни в одиночку

Не поймете поблажки никакой.
Я ж говорил, но очень быстро вы забыли:
Иль поступаете как надо, как учили,
Иль к вам польются полноводною рекой

Плоды неправедности вашей, лицемерья,
Обмана, подлости и хитрости... Доверье
Ко мне имеете? Что ж слушать не хотите?
Твержу, твержу, а вы всё в сторону глядите.

Конечно, проще, насладившись до упора,

Наворовавшись или выгородив вора,
Потом собраться многоглоточным собранием
И доставать меня крикливым покаянием.

Не выйдет, глупые, не выйдет, не старайтесь!
Придет расплата, кайтесь или же не кайтесь -
Мне безразлично! Вам решение вверяю.
За всё заплатите, еще раз повторяю.

1997

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я утречком была в отель поселена.
Явилась с багажом, с доверием в кармане,
С надеждами в душе... И не моя вина,
Что коридорные, как ласковые няни,
Мне все позволили - свободный выход, вход,
От предназначенных занятий отвлечение...
Шумел под окнами смеющийся народ,
И я ушла в мир человеческих забот,
В его веселое, беспечное кипенье.

Мне все казалось, будет новое прочтенье
Романов старых - любопытство соблазнило.
Да, что-то было, я не спорю, что-то было:
Любовь, семейственных забот приобретение...
Я оказалась в эпицентре представленья
И цель приезда легкомысленно забыла.
Всегда рассчитывала вовремя свернуть,
Из ситуации обыденной смотаться.
Порою чувствам говорила: "Полно, братцы,
Пора в исконные владения нырнуть,
От соблазнительных иллюзий отказаться".
Они не слушали, все далее влеклись,
И я за ними... А вернулась на неделе,
Смотрю - на клумбах розы поздние зажглись,
И поменялись коридорные в отеле...

Суrowый дворник листья желтые метет,
Портье тяжелые ключи перебирает,
Считает и уж просто так не выдает,

Нет, паспорт требует, все данные сверяет..
Придирчив - кто, зачем, насколько, для чего...

О боже мой! Меня, надеюсь, узнаете?
Я прислана было по делу, по работе,
Мой номер угловой, я заперла его.
Совсем ненадолго покинула пределы
И не заметила, как время пролетело!
Верните ключ, я заплачу, мне так неловко,
Еще не кончена моя командировка!

А он копается, нахмуренный, в сомненье.
Стою, дрожу - а вдруг не выдаст, вдруг откажет?
На дверь рукою равнодушною укажет.
И скажет - сдали уже ваше помещенье.

Нет, пожалел меня и ключ мне протянул.
Портье, я руки целовать у Вас готова!
Я открываю дверь, отодвигаю стул,
Сажусь к столу и ощущаю снова
Эмоций творческих полузабытый гул.

1996

*Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят.
А. Пушкин*

Им бы давно меня клонить
К суровой прозе, но не клонят.
Все ожидаю на перроне,
Когда же колокол звонить
Начнет, когда придет состав,
Суровой прозою наполнен,
И, мне о возрасте напомнив,
Серьезных фраз могучий сплав
Разгрузит и к ногам положит.
А рифму... рифму уничтожит.

Наверное, он будет прав.
Наверно, в возрасте моем
Уже довольно неприлично
Смеяться и болтать о личном
Свободно, весело, цинично,
Эмоций суетных объем
И неглубоких размышлений
Друзьям своим презентовать...
Пора от жизни уставать.
Добро б еще была я гений...
А то ведь так - то сон, то бред,
А смысла нет... Почти что нет.
Я смысл какой ввиду имею?

Серьезный, правильный, большой.
Чтоб ясно было - за душой
Гранита глыба, не камня,
Не мелочь тонкая резная -
Масштаб иной, цена иная.

Так что годам уже пора
Клонить меня к суровой прозе,
Чтоб как картошка на навозе
Я возрастала. Чтоб остра
Была нужда во мне у рiрла,
Чтобы ко всем проблемам липла.
Чтоб от меня, словно лучи,
Пучки прозрений расходились.
Чтобы соседи мной гордились,
И бизнесмены калачи
Не уставали мне дарить,
Чтоб в телевизоре хвалили,
И, не жалеючи усилий,
Пытались бы уговорить
Где-либо что-либо возглавить...

Какой бы ужас наступил!
Уж лучше, не жалея сил,
Шалунию рифму буду славить!
И славить и благодарить
За то, что до сих пор со мною,
Что осень кажется весной,
Что можно рифмами сорить,
И ничего не говорить
В защиту нравственных устоев.

1996

Моему дяде Серафиму

Неплохо мне жилось на Северном Кавказе,
В ауле Сары-Тюз, у дяди моего.
Был дядя - ветеран, исполненный фантазий,
Он пчел своих любил, как любят божество.

Он говорил о них с серьезным уваженьем,
За мед благодарил, за счастье рядом жить.
Я слушала всегда с невольным изумленьем,
Решивши про себя, что нет, не может быть,

Чтоб это он всерьез! Ну что такое пчелы?
Кусаются, жужжат, летают, мед несут...
Мне было не до них, порыв весны веселой
Определял моим стремлениям маршрут.

Ходила на Кубань, купалась, загорала,
Стирала сарафан в облупленном тазу,
На темный сеновал под вечер залезала
И слушала коров сопение внизу.

В жару под ветками душистых абрикосов
Дремала с книжкой. И если падал плод,
Ленилась руку протянуть. Казалось, осень
С дождями скучными вовеки не придет.
А дядя мудрый был, беспечную, пустую,
Не осуждал весну за скудости идей.

Серьезно наблюдал, как индюков рисую,
И называл меня помощницей своей.

Он, видимо, считал, что дорогого стою,
Что где-то ждет меня сияющий убор.
Ах, дядя, мне б сейчас поговорить с тобою,
Как нужен мне сейчас твой тихий разговор!

Нет, не соткали мне блестящего убора.
Соткали - я б его наверно не взяла.
Ведь все еще манит тропинка вдоль забора,
И абрикосов мед, и в очаге зола...

Мне хорошо жилось на Северном Кавказе
Средь полосатых пчел и пестрых индюков.
Был дядя- ветеран, исполненный фантазий...
Ну почему же был? Он и сейчас таков.

1993

Александрю Пушкину

Ну да, не очень был удобный,
Не выпечка, не пряник сдобный -
Задира, дуэлянт, игрок!
И лжесвидетельства порок
Ему был свойствен, и разворотом
В немалой мере был задет...
Но ведь какой же был поэт!
Какой пронзительный, крылатый!

Да, знаю, лазил на рожон.
Но кто ж из гениев не лазил!
Бывал нелеп, бывал смешон,
Лицом почти что безобразен...
И что ж из этого? Люблю,
Как многие его любили.
В его стихах, как во хмелю,
Теряю разум! Одарили
Его энергией такой,
Что два столетья потребляем,
А он все лучше - нестираем,
Нетронут быта шелухой!
Горяч, словно в пустыне ветер,
Ритмичен, словно океан,
Как пух легок, как солнце светел,
Всепроникающ, как туман,
Непостижим, как божество...
Ну что же, что лицом не вышел,

Что был характер у него
Не сахар...

Что вы, тише, тише!

Так о предмете говорить
Любви божественной и страстной?
Да, выпало Творцу любить,
Не так как нам, не безучастно!
Нет, выпало ему пасти
Любимца, с ним вести беседы,
Ему планировать победы,
И поражения на пути.
И пас, и вел, и говорил,
Наказывал, хвалил, скандалил!
Все тайны мира отворил,
И ранней смертью одарил
На речке, черной от печали.

1997

СОНЕТ

Как быстро снег сошел в Москве!
Как все черно и темно-серо.
Только реклама - вот мегера,
Неоном бьет по голове!

Нет больше светлого нигде,
Лишь отражением в воде
Неон пылает - яркий, яркий,
Словно огонь электросварки.

И небо стелется, большое,
Куском намокнувшим, отжатым
Изорванного полотна...

Да, время мутное, крутое,
Весна, товарищи ребята,
Несоловьиная весна...

1997

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Сердце рвется из тела в холсты,
Краски, линии, как провода,
И смывает эмоций вода
На берега разуменья мосты!

Нет их больше, лишь пламя, хаос!
Упоенье, смятение, бред!
Потерял тормоза паровоз,
Ни маршрута, ни станции нет.

Обалдение, грохот и звон,
Краски плавятся, стонут, горят..
Мимо, мимо меня, под уклон,
Все подряд, все подряд, все подряд,

Вся цепочка земных пантомим!
Вот сейчас уже, прямо сейчас
Галактический иконостас
Разукрашу твореньем своим!

Вот сейчас... Только что это вдруг?
Рельсы кончились, кончился путь,
Остывает кипящая грудь,
Утихает экстаза недуг...

Жар души превращается в пар,
Невесомым туманом плывет,
И уносит божественный дар,

Оставляя отчаянья лед.
Да, не вышло. Крутые мечты,
Приподняв, удержать не смогли,
Значит, вновь суетиться в пыли,
Где житейских законов мосты
На берега разуменья легли.

1995

Мир так хорош, как будто перед ним
Стою в последний раз.
И ухожу от тех, кто был любим:
Снега, от вас,
И от тебя, высокий звездный свет
В окне зимой,
И от тебя, виновник стольких бед,
Любимый мой...
От вас, туманы утром на лугу,
Вблизи реки,
От лодки на песчаном берегу,
И от тоски,
От вас, мои пророческие сны -
Таланта дар,
От глаз, что в окруженье влюблены,
Как никогда.
Как никогда еще и ни в кого,
Ну нету слов!
Земное вещество, как божество:
Весна, любовь,
Пожар души, смятение души,
Страстей мираж -
Так хороши, так чудно хороши,
Мурашки аж!
И старость... старость тоже ничего,
Как посмотреть.
Не ощутить с природою родство,
Коль не стареть.
Сегодня ясен весь земной расклад,

Простой, живой.
Еще вчера здесь был кромешный ад,
Хоть волком вой,
Ну а сегодня - радость, красота,
Кромешный рай!
И счастьем жизнь, как чаша налита,
По самый край.
Мир так хорош... Ну как же, как уйти,
Его забыть?
И всех, кто повстречался на пути
Осиротить?
Они во мне, и я, конечно, в них.
Куда уйдешь
От ощущения, что душевный сдвиг -
И тот хорош!

1996

*До глубокой старости княгиня Елизавета
Ксаверьевна Воронцова восхищалась
сочинениями Пушкина: ей прочитывали их
почти каждый день,
и такое чтение продолжалось целые годы.
П. Бартнев*

Обожаемый гений... Читала б, читала...
Никогда б от занятий таких не устала,
Никогда б этой радости не прекратила,
Все читала бы, словно с тобой говорила.

И не нужно мне знать, как написано это,
То восторгом, то гневом, то счастьем одета,
Я читаю и рядом с тобой существую,
Обижаюсь, смеюсь, претворяюсь, ревную...

Пререкаюсь с судьбою, кокеткой капризной,
На дуэлях дерусь, возмущаюсь отчизной,
Хулиганю по-черному... Знаю, простится,
Все твоими творениями возместится.

Полночь. Осень. Одесса. И Елизавета
В темно-синее с кружевом черным одета.
На веранде у моря с тобой говорила
И на счастье резной талисман подарила.

На французском бульваре каштаны шумели...

Знаю больше тебя о проклятой дуэли,
О михайловских вьюгах, бравадах гусарских,
О тригорских подругах, о милостях царских.

И читаю, читаю, восторгом согрета,
Как читала Ксаверьевна Елизавета,
Не умея уйти от мистической власти
Твоей юной, горячей, неистовой страсти.

1996

Нуле Иониди

Солнце плавало в море аттическом воду,
Небо землю сжимало в объятьях горячих.
На себе унося и меня и природу,
Улетал в мирозданье космический мячик.

Уникальной игрушкой гордилась Галактика.
Звезды что, бриллианты, холодные, колкие!
В своей длительной и утомительной практике
Насмотрелась на камни, обломки, осколки.

Ну а эта? Как выпала из трафарета?
Разноцветная, теплая и своенравная.
Вся живая, пушистая, круглая, славная...
Ничего равноценного в космосе нету!

Солнце плавало гладкую воду залива,
Расплавляло прогрессы, расчеты, карьеру.
На камнях я валялась в дремоте ленивой,
Ощущая всеобщей любви атмосферу.

1996
Греция, Патра

Снится море, снится лето,
Снится брошенный порог.
Снится камень разогретый
Под подошвами сапог.

Шпоры звонкие по сходям,
Теплой палубы настил...
Будто кто меня сегодня
Подорожной оснастил!

Убегаю, уплываю
В темно-синий океан,
Покидаю, забываю
Серой осени туман,

Землю, пахнущую хлебом,
Теплоту твоей любви,
И нахмуренное небо
Над озябшими людьми -

Это вам! А надо мною
Ветер рвется в паруса!
Удаляется приборя
Золотая полоса,

Облаков бегущих тени,
Чайки снегом на волне,
Так стремительно движенье,

Так реально ощущение,
Будто это не во сне.

Будто можно мне скитаться
Меж землей и небосводом,
В светлой удали пиратства
День за днем, и год за годом.

Пусть страстей земное пламя
Душу мне не бередит,
Роджер с белыми костями
Пусть над мачтою летит!

Тряпкой огненной алея,
Справедливая, крутая.
Рано утречком на рее
Буду вешать негодяев.

Только воля, ром и песни,
И просоленное братство.
Не припомню, хоть ты тресни,
Что там было до пиратства!

Лишь ночами часто снится -
Крыша мокрая, дымок,
В небе тучи вереницей,
Улетающие птицы,
Мой покинутый порог.

1993

Музыканту Сергею Королеву

*Одной любви музыка уступает,
Но и любовь - мелодия...*

А. Пушкин

Ваш дар пленителен. Зачем
Вам думать о других предметах,
О повседневных трафаретах,
О распадении систем?

Не стоит, право. Все ответы,
Как неразменные монеты,
На все вопросы есть у Вас.
Их, видимо, с рожденья дали;
Велели утолять печали,
Препроводили на Парнас

И дверь открыли в беспредел.
Вы нас туда с собой берёте,
И мы, забыв о крови, плоти,
О диктатуре бранных тел,
За Вами следуем в полёте!

Поверьте, всё, о чем пишу,
Я по себе отлично знаю.
Но каждый день свой дар пинаю,
И суетливостью грешу,

И в поддавки с судьбой играю.

Нет, не стремитесь в клан расстриг,
Земными благами пленённых.
Что сытости, довольства миг
Перед восторгом душ людских,
Искусством Вашим унесённых,

Перед похищенным сознанием,
Перед смятением сердец?
Вы как хозяин, Бог-отец,
Творите мир своим дыханьем!

Со мною раз такое было:
В горах машину занесло,
Над пропастью остановило
И тем, казалось бы, спасло...
Но, пропасть... Как она манила,
Как запредельное влекло!

Казалось, там, на глубине,
Под покрывалами тумана
Восторга сладкого нирвана
Объятья раскрывает мне.

Был миг, вот как от Вашей скрипки -
Всё было ясно, всё путём,
Всё достижимо. Уж потом,
Уже потом рассудок гибкий

Меня презрением облил,
Он это может, сильно умный,
Безапелляционный, шумный,
Но сердца не уговорил.

Его уговорили Вы!
Когда играете, жалею,
Что легких крыльев не имею,
Что всё ещё, увы, увы,
Материальностью болею.

Что в силах лишь на краткий срок
Подняться в небо вместе с Вами,
Как птица вольная, как пламя,
Как ветром схваченный листок...

Взлететь... И, словно пар с болот,
В высоком небе охладиться,
В седую тучу превратиться,
И в снег, что вот сейчас идет,

Неслышно падает на эту,
Печали полную планету.

1997

Марине Цветаевой

*Перья на востроты -
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!
М. Цветаева*

Она для нас, как взрыв в метро сейчас -
И нежеланна, и неожиданна, и опасна!
Своей любовью, богоданной, бурной, страстной,
Того гляди, сметет золотой иконостас!

Иконостас, что пушкинисты создавали,
Вошили, красили, скребли, лакировали,
Непосвященным приближаться не давали;
И оведали фимиамом!

С гордым храмом
Она считаться не хотела, и не стала!

Что ей за дело?! В тучах с бесами летела,
То делибашем вдруг была, то Бонапартом,
То пулю в печень получала, то под парту
В смятенье прятала свободную стихию -
Луну, прощанье, по печали ностальгию...
Ой, что ж за девочка была, что за богиня!
Такую в храм пусти - все догмы опрокинет,
Картинки пестрые сдерет с иконостаса!..

И бог сойдет к ней, к ней одной, не в виде Спаса,

Нет, в виде друга, шалопая, святотатца,
Сойдет, чтоб больше никогда не расставаться!

1998

Тришка бит по погоде.
А. Пушкин

Стихи - это только мгновения,
Такое пришло иль другое -
И пишется стихотворение,
Нахлынувших чувств выражение,
Простое, как правда, нагое.

Лишь рифмы его одевают.
Но рифмы и ритмы прозрачны,
Все видно, все слышно - то плача
Напев заунывный взмывает,

То словно бы электросварка -
Издавка, насмешка искрится,
То страстью, пылающей жарко,
Пурпурная тлеет страница...

А то - это лучшие строчки:
Раздумья, как лента дороги,
На ней повороты, как точки,
И камни порога в итоге.

Спокойное отдохновенье...
Вот так это все происходит.
Стихи мои - просто мгновенья!
Как Тришка был бит по погоде,

Вот так и меня достают!
Я их предсказать не умею,
Но нежно люблю и лелею,
И не прерываю маршрут.
1998

* * *

*И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали...
А. Пушкин*

*Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.
Из приписываемого Пушкину*

Зачем же так уж, мой поэт?
Ну что за дикая забава!
Царя кишкой... Не знаю, право...
Кишкой попа. Какой сюжет...

Так некрасиво, так жестоко,
Так непохоже на тебя!..
Сомнения перерубя,
Исчезну в глубине потока,

Что интуицией зовут -
Нет, ты не говорил такого!
Уж больно казнь грязна, сурова,
И психологии маршрут
Уж больно темен. Нет, не ты

Четверостишьем обмочился.
Нет, пушкинист погорячился,
Находку тиснул - и в кусты.

Мол, приписали, приписали...
Да мало ль чем в тебя бросали?!

Все что ли нужно подобрать
И обнародовать? Чтоб рать
Поклонников, как инфлюэнцей
Доверием поражена
К ученым книжкам, чтоб она...

Постой, постой, ну а младенцы?
Которых били, боже мой,
О стены Праги? Тут, бесспорно,
По белому чернилом черным
Написано твоей рукой!

Так что ж такое происходит?..
Об стену прямо, головой -
И ты не против! Да, конвой
Жестокости в твоей природе,

Выходит, значит все же был.
Пусть где-то на периферии...
Нет, нужно обуздать свой пыл,
Принять смиренно чаевые,

Ну просто сдачу от судьбы,
Со слепоты любовной сдачу,
Как от ствола в плечо отдачу,
Как окончание борьбы.

Понять - ты необъятный мир,
Вселенные в тебе ютятся -
Святители и святотатцы,
И первобытность, и амфир,

И беспредельность доброты,

И стопроцентная жестокость,
Разнообразие, односторонность,
Печаль и смех - все это ты.
Ты гений, смертным не чета!
Так что распорядись свободно
Кишкой, веревкой, чем угодно,
Хоть у столба, хоть у креста.

В твоей судьбе бесспорно все -
Трагедии и пасторали,
И даже то, что приписали,
И даже тот, кто жизнь пресек,
Конфликты сердца и ума,
Скабрзность в безупречной фразе...
Ты так велик, как жизнь сама,
И как она многообразен.

1998

От уважаемых услышала: “Стесняйся,
Послушной, скромной, уважительною будь,
Скрывай свою неистовую суть,
Она весьма похожа на зазнайство.

Ну как же можно, он же гений, мы же чтим!..
Люби почтительно, как мы, на расстоянии.
Какое может быть отдельное свиданье?
Какой такой для нас неведомый интим?

Все это выдумки на грани неприличья,
Кошунство, наглость, оскорбление величья!”

Я их послала. Я опять к тебе пришла.
Мне без тебя нет жизни, сердце разорвется!
Никто не может быть хозяином на солнце,
Высоком солнце, раскаленном добела.

Как можно что-нибудь влюбленным диктовать?
Какие правила, какое там почтенье?!

Пусть, как дыхание любви, стихотворенья
К тебе летят и продолжают доставать.

Я знаю, знаю, ты не против доставанья.
Пусть уважаемые множат воркованья,
А я к тебе! И очень ты меня обяжешь,
Коль о свиданье уважаемым не скажешь.

1997

Ничего уже не надо
Ни писать, ни говорить.
Всюду шелест листопада,
Листопада цвета ада,
Да чугунная ограда,
Да оборванная нить...

Нить судьбы. Так рано-рано
Прервалась и прекратилась.
Тридцать семь... Ему нирвана,
Нам печальная остылость

Его памяти...
Зарницы,
В ней зарницы легких песен.
Вообще неинтересен,
Как пустыня без водицы,

Мир окрестный без него,
Без любви его и муки.
Это ж нам навстречу руки
Протянуло божество!
Ну а мы? Мы не смогли
Ухватиться, проскочили.
Жизнь свою проволокли,
Иль, верней, проволокли
По совсем другим орбитам -
По стяжанью, суете...
Нами, нами был убитым

На дуэли!

Точно те,
Точно те, точно такие
Мы остались и теперь -
Все незрячие, глухие...
Или это ностальгия
По красивости потерь?

По торжественности бдений,
Славословий, сожалений,
Покаяний, обещаний,
Пышным почестям прощаний?

Да уж, что там говорить -
Род людской неизменяем,
Мы легко себе прощаем
То, что прошлому простить

Не хотим.

Осенний дым,
Дождь с печалью листопада,
И чугунная ограда
Над единственным живым.

1997

* * *

Хорошо тебе, Пушкин!
Пошел, на дуэли подрался,
Когда очень подонки-бароны достали тебя.
Хорошо тебе, Пушкин!
Ты в памяти светлым остался,
Как Земфира твоя, что жила и погибла, любя.

Сколько горечи ты не доел, сколько яду не выпил,
Недоупотребил человеческой низости тьму;
Молодым дезертиром из войска страдающих выбыл,
Удалился в эдемы и кущи к отцу своему.

Хорошо тебе, Пушкин. А мне исключительно плохо!
Нету больше дуэлей, гуманностью запрещены.
Технократии трезвой моя подчинилась эпоха,
Пистолеты, дантесы - предметы седой старины.
Но тоскует ладонь по оружию и печень по пуле...
Нет, мне кажется, все-таки мы не туда завернули.

1999

Нелепо, до чего ж нелепо
Ты проявил себя, Мазепа!
Ну и характер у тебя!
Да как же можно, так любя
Марию, глубоко и сильно,
Папаше голову снести?
Козел... Уж ты меня прости.
Мог бы отвесить подзатыльник,
Пинок, в изгнание отправить,
Перед народом обесславить...

Но чтобы мучить и пытаться,
Глумиться, голову снимать,
Чтоб Орлик твой над ним глумился...
По-моему, погорячился.

Так проявил себя нелепо,
Так безобразно поступил!
Богатство, власть... Ты глуп, Мазепа!
Какую шуштуру почтил
Своим пристрастием, вниманьем,
Всему другому предпочел!..
И значит я права - козёл.
И поделом во тьму ушел
Из нашей памяти в изгнание.

Но... ведь поэту пищу дал,
Повествованье состоялось...

Когда б иначе поступал,
О чем бы Пушкин написал,
И чем бы я бы восхищалась?
Так что простибельно все-все -
И кровь, и бедствия, и слезы.
Ошиблась я - ты не козёл,
Ты знал - души твоей занозы
Оденет стихотворный сплав,
И был во всем, конечно, прав.

1997

Посвящается гастролям
бродячего цирка “Палдусон”

Уехал цирк, так грустно стало...
Трава примятая лежит..
Давно ль под скамьями лежала,
Собой ковер изображала...
Теперь имеет бледный вид.

Над ней крутились акробаты,
По ней ходил угрюмый лев,
Артист серьезный и косматый,
И, от восторга ошалев,
Ногами топали ребята.

Между затоптанных травин
Цвели конфетные бумажки,
И клоун цвета промокашки
Выигрывал у кошки в шашки
Солнцеподобный апельсин.

Вскрывал при помощи гвоздя,
И что совсем прекрасно было -
Из фрукта дама выходила,
Восторг неистовый рода
У зрителей!

Но чародей
Мгновенно рассекал у ней

Лицо и шею, грудь и спину...
Прекрасной плоти половину

В сундук железный запирал
Вместе с купальником блестящим,
И в ужасе пред настоящим
Цирк обалдело замирал...

Под скамьи кровь текла рекой,
Ее уж было по колени,
Звучали тихие моления
И со святыми упокой...

Но вверх летел большой сундук,
Хлопушки выстрелов звучали,
И, будто не было печали,
Опять сиял арены круг,
И бешено рукоплескали,
Восторга, радости полны,
Все-все, и взрослые и дети!..

А дама розою в букете
Блестела в ярко-красном свете,
Кивала важно с вышины!

Купальник даже целым был,
Нигде ни дырки, ни пореза...
Тут на ходулях, как протезах,
По новой клоун выходил.

На траву падал, кувыркался,
Срывал у нас аплодисмент,
И шумный цирковой момент
Благополучно завершался.

Мы уходили с тем, чтоб снова
Билеты желтенькие брать,
Чтоб снова топать и орать
И в восхищенье замирать
От остроумья площадного.
Уехал цирк... Такая жалость!
Верблюдов увезли в фургоне.
Трава примятая осталась,
И почему-то, мне казалось,
Грустит о цирке Палдусоне.

1996
Селятино

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

*Скажи мне, ветка Палестины...
М. Лермонтов*

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?
Какой изысканной картины
Деталью нежною была?

Какой восточной благодати,
Каких тусовок и пиров
Была участницей?

В халате,
Средь фимиамов и ковров,
Среди напитков и лукумов
Сидел, поди, любимец твой,
И ты цвела над головой
Неполной никакою думой.

Свой смешивала аромат
С дымком кальяна, с ароматом
Цветов и фруктов... Бородатый
(А может не был бородат?)
Красавец-хан к тебе склонялся,
Закрыв миндальные глаза,
И нюхал... Передать нельзя,
Как был хорош! Каким казался
Виденьем сказочным. Пред ним
На мягких складках покрывала

Нагая гурия лежала...
И в этот сказочный интим
Жара извне не проникала.

Журчал фонтан, и ты цвела
В прохладе, неге, полумраке,
Забыв о безобразной драке,
Что только день назад была
Под окнами.

Там кровь лилась,
Там крики боли раздавались,
Там чьи-то жизни обрывались,
И красную месили грязь
Чувяки.

А любимец твой,
Кося миндальными глазами,
Вращал кинжал над головой,
И резал, резал... Словно пламя,
Пылала ярость в нем! Кинжал
Из ран выхватывал и снова,
Визжа пронзительно, вонзал...
В кого же? Да в отца родного!

Ты мне не скажешь, что они
Не поделили? Может, знаешь?
Цветешь и пахнешь и киваешь...
Ну, украшение земли,
Скажи, зачем, в бездумье схватки,
Хорош, как ангел Азраил,
Себя и всех осиротил
Красавец-хан? В каком порядке
В восточном сладостном бреду
Случились ужасы? Я жду...

“Все было простенько: с охоты
Вернулись братья во дворец,
И тут узнали, что отец
Сыночка старшего работу
В гареме выполнил. Увы,
Услуг его не оценили.
За оскорбленье головы
Возжаждали, и вот, убили.
Порядки наши таковы.

Ах, женщине бы не вопить,
Подумаешь, не тот затрахал.
И наплевать бы и забыть.
Но баба, горсть земного праха!
Все от нее, вон сколько бед.
Насилу за ночь двор отмыли.
На постный траурный обед
Немногих близких пригласили.
Лишь за полночь порядок вновь
Настал, помылись, отдохнули.
И юный хан, моя любовь,
Опять в порядке.

Да, в июле

Нешадно солнце здесь печет,
Мозгов немногие остатки
Палит. А их и так нехватка,
Они у нас наперечет.
И то сказать, что проку в них?
Без них так мило, беспроблемно,
Лениво, сладостно, гаремно...
Вон Шахерзада слов каких
В поддержку мне наговорила
Ночами в спальне взаперти,
Как скудоумие хвалила...

Ну ладно, не мешай цвести.
Ступай. Кумир пошевелился,
Прекрасной нежною рукой
Взял виноград. Изыск какой!
Хорош, хоть утром не побрился.
Теперь надолго. Это траур.
Возможно на год. Все, прощай...”

Стой, а рассказчику на чай?
Нагнись, вдохни мою отраву,
Вдохни... От счастья уволен,
Среди церквей и колоколен,
Среди заснеженной Москвы,
Ты вспомнишь знойные равнины,
Ты вспомнишь ветку Палестины
И небо яркой синевы.
1996

Не лучше ли любить, любить его всего,
Читать стихов животворящие скрижали,
И быть признательным за то, что Божество
Нас так утешило среди земной печали.

1998

ПРОРОЧИЦА

Чистотой, глубиною прозренья
Нынче утром меня одарили,
Одарили, как приговорили,
И в последующее мгновенье
В первобытную тайну внедрили.

А над тайной как раз в это время
Серой тенью сова пролетала,
И премудрости тяжкое бремя
Мне на темя, как семя упало.

Я сейчас же вскричала в отпаде:
“Мне не нужно! Зачем? Бога ради!
Для чего мне такое величье,
От друзей и соседей отличие?!”
И слышала шорохи сзади...

Обернулась - змея в три обхвата
Свое страшное черное жало
Мне настойчиво презентовала.
Я очнулась старухой горбатой.
Так состарили эти подарки,
Так согнули о мире заботы.
А вокруг хохотали койоты,
И жирафа доили доярки.

Умоляла, просила койота
Легкомыслием чуть поделиться,

Чтобы мне ускользнуть от работы,
От невольничьей доли укрыться.

Умоляла, как брата родного,
И слышала: “Это не ново -
Ни твой ужас пред горем и болью,
Ни желанье от службы укрыться...
Нет, ты будешь со всею любовью
Возле гибнущего поголовья
Оберегом живым суетиться.
Врачевать, словно лекарь в палате,
И кричать палачам о расплате.

Всё. Испей молока на прощанье.
Приложись, может, чуть повзрослеешь.
Все поймешь, хоть, я вижу, желанья
Понимать вообще не имеешь.

Ну, ступай. Ты пророчицей будешь,
Коль от ужаса слов не забудешь”.

1996

ИКАР

Необдуманно брошенный в небо,
Нет, не стал легкокрылою птицей,
Соучастником света не стал.

По природе летающим не был,
Зря фанатик-отец суетился,
Зря слепую надежду питал.

Зря прилаживал крылья на воске
И к запястьям крепил ремешками.
Всей науки своей корешками
Интеллект относительно плоский

Порывался снабдить, оснастить,
От сгорания обезопасить,
Лишь потом в вышину отпустить,
И бессмертною славой украсить.

Зря мамаша, детей своих зная,
Головою в сомненье качала,
Опасалась и предупреждала,
Нет, отца самомненье без края

Ничего не желало учесть.
И сыночек геройствовал рядом.
На горе за оливковым садом
Ожидала народная смесь.
Мальчик прыгнул, пытаясь взлететь,
И взлетел, и уменьшился в точку.

Да, завидная участь сыночку,
Исторически если смотреть.

Все смотрели вот именно так:
Мол историки скажут, напишут.
А он выше, все выше и выше
Уносил свой телесный костяк.

Прямо к солнцу, к теплу и горенью,
Как ребенок к огню потянулся.
Слыша окрики, не обернулся,
Не прервал рокового стремленья.

Землю, горы и запахи моря -
Все из памяти будто украли.
И любимых, что на косогоре,
Замерев, неподвижно стояли.

Солнце видел такое прекрасное,
По лазурному небу бегущее,
Не обманчивое, не опасное,
Только жизнь, только радость дающее!

И крылами махая в восторге,
Ближе, ближе к нему устремлялся,
Словно тоже частицей являлся
Ослепительных солнечных оргий.

Воск закапал, ресницы зардели,
И ремни на ногах раскалились,
И как почками вишни в апреле,
Кисти рук волдырями покрылись.

Разоделся, как мантией огненной,

Человечек по небу летящий,
Стал дугою, горящей, светящей,
Непомерным страданьем изогнутой.

И сгорел. Только белые прежде,
Перья красные наземь летели,
На траве косогора горели,
Где, уже потерявши надежду,
Люди все еще в небо глядели.

С той поры миновали года,
С той поры миновали столетья,
И спокойствия, и лихолетья -
Разнородных времен череда.

Вечность минула, словно кино.
Мы живем в ипостаси иной,
Поистерлось к преданьям доверье.

Но порою влетают в окно,
Попадая в еду и вино,
Золотые горящие перья.

1995

Ах, ты только не подумай,
Не подумай, что должник,
Обладатель круглой суммы,
Уважаемый старик!

Уважаемый, как вера,
Как судьба, надежды свет,
И как милиционера
Среди нас авторитет.

Да, конечно, было: клялся,
Обещания давал...
Ну и что же? Заигрался,
Бросил, выпустил штурвал.

И теперь по воле ветра
Мчимся, кинуты тобой.
Ты, который чистый, светлый,
В ризе нежно-голубой,

И с глазами, словно окна,
Словно окна в светлый рай...
Ты... который меч дамоклов,
Снисходительней играй!

Нет, не должен нам, ну что ты!
Это мы кругом должны,
Мы - плоды твоей работы,

Мы - твои штрафные роты,
Твои творческие сны.

1996

* * *

Я согнулась под тяжестью божьих даров.
Так и кажется, что околею.
Заготовили многим, и вдруг - будь здоров,
Все одной, словно камень на шею!

Одарили - о, да! Осчастливили - нет!
Так завидую тем, кто бездарен.
В результате свободен от тысячи бед
И страданием не отоварен.

Так завидует жертва, сгорая в огне,
Всем стоящим за гранью пожара,
Вне удушливой гари и пламени вне,
Вне тяжелого божьего дара.

1996

Н. Н. Гончаровой

Что бы стоило Вам отказать?
Ну зачем Вы, зачем согласились?
Он бы долее жил, песни пелись бы, длились...
Сколько радостей мы в одночасье лишились!
Что бы стоило Вам отказать?

Чем привлек Вас бродяга-поэт?
Почему Вы на брак согласились?
Из-за Вас, из-за Вас его дни прекратились,
Из-за Вас мы такого блаженства лишились!
Чем привлек Вас бродяга-поэт?

Ну влюбился, так что ж из того?
Мало что ли до Вас он влюблялся?
Мало что ли страдал, уговаривал, клялся,
Соблазняя, склоняя к себе божество...
Ну влюбился, так что ж из того?

Вы могли бы, могли отказать...
Он женился б на знатной, богатой
Или, может быть, жил вообще неженатый -
Ни семьи, ни долгов, ни придворной зарплаты...
Что бы стоило Вам отказать?

1997

* * *

*Я в лиру превращать не смею
Свое гусиное перо.*

А. Пушкин

Настоящий поэт с глубоким
Мироощущепониманьем,
Он владеет разновысоким
Необузданным рисованьем.
Он рисует разные страны,
Живопишет разные страсти,
Разрывает сердце на части
И доволен нарядом рваным.

Слава рядышком с великаном,
Украшает главу героя...
Мне куда... я где-то вне строя,
Между кухней и диваном.
Вся в задумчивости и лени,
В настроениях разных млею...
Несерьезные настроенья,
Что сказать, других не имею.

Меня сдвинуть - нечего думать,
Изоляция первозданна,
Только воля одна желанна,
Ну и чтобы поменьше шума.
Только дождик, и то не слишком,
Только лампа, и та вполсвета...

Яхватила всего с излишком.
Для чего мне идти в поэты?

Мои страны в моей квартире
Пролегли от кухни до ванны.
Мне уютно в углу дивана,
И наряд мой мягкий, не рваный,
Самый-самый удобный в мире.

1996

Болтаю и забалтываюсь с Вами.
Ведь не с собой же я ночами говорю?
Вопросы разные, как номера в программе,
Теснят друг друга: то сомнения дарю,
То шепотом печально вопрошаю
О будущем, то вдруг стихи пишу,
Бывает даже что-нибудь решу,
Но это редко, больше не решаю
Ночами ничего. Словно вода
Перетекают мысли. Вспоминаю
События, людей и города,
Жизнь прошлая проходит, как живая.

И ощущенья где-то там, внутри,
Родятся, облакаются словами,
К Вам устремляются... До света, до зари
Болтаю и забалтываюсь с Вами.

И, как ни странно, ощущаю вдруг ответы:
Зачем случилось то или вот это,
И почему, хоть вроде бы желаю,
Намерения не осуществляю...
Все исчезают угрызенья, покаянья,
Успокоение приходит, пониманье,
Что ничего решать как будто и не надо
Пока Вы рядом. Только будьте, будьте рядом!

Душою чувствую - Вы здесь, Вам интересно,

И соучастие естественно, не пресно,
С улыбкой легкой, внимательной, нестрогой,
Идете рядом моей зыбкою дорогой.

Доброжелательно со мною говорите
На древнегреческом, на русском, на санскрите...
Не знаю, на каком, но благодарна
И понимаю все, хоть к языкам бездарна.

А ночь все тянется, бессонница все длится,
Часы листают шелестящие страницы
Беседы нашей... Мягко тикают в квартире,
Безостановочным, неустрашимым фоном,
Одни звучат в утихомирившемся мире,
В зиме, в Луне, в кустах, застывших под балконом,
В дорожке блещущей и в черном беспределе,
Что почему-то сводом, куполом зовется,
И в понимании, что продвиженье к цели
Сродни нырянью в отражение колодца.

Дрожит в нем мир ненастоящий, отраженье.
А все мне кажется, что если вниз спуститься,
То буду счастлива... Но это заблужденье.
Все выясняется, пока беседа длится.

Болтаю и забалтываюсь с Вами,
Болтаю безответственно, что зря...
Так счастлива, что длинными ночами
Вы здесь со мной в таинственной программе,
В мистификации второго января.

1997

Полет, полет, полет над морем,
Меж небесами и горами,
В широких крыльях, как в уборе,
Лечу, непонятая вами!

Лечу, внизу прозрачных вод
Кипение и шевеленье,
А в небе - светопреставление:
Луны стремительный восход!

Взошла, и волны осветились,
Как зеркало над глубиной,
Дневные яркости сменились
Холодной гаммою ночной.

Неровным гребнем вознеслись
Непредсказуемые скалы,
Меж них глубокие провалы
Узором темным заплелись.

Там, под завалами камней,
В одеждах красного порфира
Уснули все владыки мира
Со всею славою своей.

Ну что мне слава там, внизу?
Ну, поняли б меня? Тем хуже.
Сидела бы в житейской луже,

Собой домашнюю козу

Изображая. Молоком
Всех окружающих питала,
И никогда бы не летала,
Разве во сне под потолком.

Не то, что ныне! Лед Луны
Касается, ласкает, греет..
Пусть человечество стареет
И видит суетные сны.

А я лечу, лечу над бездной,
Над молчаливыми горами,
Над первозданностью любезной.
Ура, непонятая вами!

Лечу, как сны, как воронье,
Как клочья пены над волною,
Между высокою Луною
И отражением её!

1996
Греция, Патра

Лине Горячевой

Как скоро забылась Америка!
Как скоро и без сожалений.
И камни, и лодка у берега,
И калейдоскоп настроений...

Довольная, сытая, ровная,
Проблемами не озабочена.
С ней рядом житье подмосковное...
Да что говорить, многоточие...

У нас теперь дождик осенний,
Прижавший тяжелою дланью
Остатки засохших растений
К земле перед похолоданьем.

Шальной, неприкаянный ветер,
Бросающий листья в лицо мне,
Поющий: “Запомни, запомни,
Запомни - ты тоже в ответе...”

И близко, совсем уже близко
Зимы голубая нирвана.
Как это сказать по-английски?
Нет, я напрягаться не стану.
Так скоро забылась Америка!
Как мне совершенно ненужная.

Вернулась с далекого берега,
Богатством его не контужена;

Не жаль, что оставила “бэконы”,
Что бросила сыр недокушанный,
Что с нищими снова, калеками
И прочей российской шушерой.

Я шушера тоже, блаженная...
Сопереживаньем отравлена.
Земля моя, несовершенная,
Ты мною в беде не оставлена!

1998

Беспреданный дождь идет,
Каплет, точно слезы.
Год к концу, тяжелый год,
Насажал занозы.

Расцарапал сердце мне
И теперь уходит.
Дождь по крыше, по стене,
Сырости в природе.

Ветер темный лист несет,
Оторвав от ветки.
Что ж, прощай, тяжелый год
Сумрачной расцветки!

Может, тот, что за тобой,
Посветлее будет?
Ну не светлый, хоть рябой,
Не один чтобы разбой
Утомленным людям.

Чтобы в будущем году
Мне бы подфартило.
А то что ж, когда уйду,
Буду лишь одну беду
Позабыть не в силах?

1993

* * *

Ой, сколько же засохших мух!
Настала осень, дождь со снегом...
А в мастерской такая нега,
Тепло и холст со мной сам-друг.

Я подмету, я уберу
И мух, и листья от букета,
Пусть будет чисто, море света,
И гул шоссейки по утру.

Он там внизу... Я ж в небесах!
Этаж десятый, чем не небо?
Чай вскипячу, нарежу хлеба,
И, взвесив радость на весах,

Пойму, что счастлива вполне,
Пускай вполне эгоистично,
И краткосрочно, как обычно,
Но... на сегодня хватит мне,

Сегодня в мире всё отлично!

1997

Бог Аполлон ко мне пришел,
А я в таком раздрае!
Сижу, облокотясь на стол,
И горестно рыдаю.

Он постоял, задумчив, тих,
Спросил меня, в чем дело,
А я причину слез своих
Осмыслить не сумела.

Ответила: “Причины нет,
Нет видимой причины,
Но твой хваленый белый свет
Мне кажется трясиной!

В него, как в тягостные сны,
Издерганы, измяты,
Мы с головой погружены.
Не то чтоб третий, пятый...

Все как один, все как один!
Скажи мне ты, в чем дело,
Мой господин, Зевесов сын!
Иль радость надоела?

Или на нас за что-то зол?
Зачем (ведь мог реально!)
Ты каждого не произвел
Счастливым изначально?

Иль поистерлось мастерство,
Иль недостаток в силе?”
“Ну, да, - сказала Божество, -
Тебя мы не спросили.

Твоих настойчивых речей
И ценных указаний
Нам не хватает. Ей же ей,
Цикутной горечи вредней
Желанье назиданий”.

Достал платок, утер мне нос,
Как будто утешая,
И задал каверзный вопрос:
“Спою, не помешаю?”

“Да ладно, пой, - сказала я,
Расстроена ужасно. -
Мне эта музыка твоя
Средь сумрачного бытия
Совсем не сладкогласна”.

Из-за спины кифару взял,
Как Горец в сериале,
Запел и тихо заиграл...
Я слушала вначале.

Потом куда-то уплыла,
Наверно, засыпая...
И будто поредела мгла
Душевного раздрая.

Забрезжил будто новый день,

Обставленный уютно,
Цивилизации плетень
Распелся абсолютно.

Исчезло все - диктат, закон,
Критерии морали...
Остался лишь кифары звон
Да краски пасторали.

С тех пор в потусторонний бред,
Словно в туман одета,
Я сквозь него гляжу на свет,
И никаких вопросов нет,
Я знаю все ответы.

1995
Греция, о. Сирос

Отец из греков был, из очень бедных,
Мамаша - из казаков небогатых,
На Северном Кавказе жили, в хатах,
Трудом кормились... Ну, а далее бесследно
Теряются фамильные начала.
Нет, не они, начала наши всем известны -
Адам, ребро, высоконравственные песни...
Мне информации такой всегда хватало.
Я к родословной интереса не имела.
Ну, появилась на земле - всего и дела!

Но фото греческого деда сохранилось:
Стоит на фоне нарисованных вазонов,
В лице какое-то смирение, застылость,
Заметно, что не из житейских чемпионов.
А вот другого деда фото затерялось,
Мамаша прятала, репрессий опасалась.
Белоказак, урядник был, усы я помню,
Погиб в Крыму, сфотографирован в Коломне.
Я фото видела, измятое, в зигзагах,
Но не нашла его в родительских бумагах.

Росла, училась, вышла замуж. Огурцов
О родословной тоже знал совсем немного.
И побежала наша общая дорога
Без интереса к пра-пра-прадедам отцов.
Торить тропинку в разыскательную глушь,
На это времени не оставляла Муза.

И в Брянске не было беспечнее союза,
Чем я и мой русобородый муж.

Но в Севске раз, у бабушки его,
В альбоме старом мне мелькнуло фото,
Похожее на деда моего.
И до того похожее - не что-то,
А просто все: лицо, смиренный взгляд,

Опущенные руки и застылость...
Всмотрелась - бесконечно удивилась!
Ну что сказать? Родной как будто брат
Или он сам. А это Алькин дед
Стоит на фоне маленького дома.
Ну кто сумеет подобрать ответ
Загадке? До того была знакома
Мне эта человечья единица,
Как будто бы решили деда слиться!

Альбом закрыла. Мне приятно было,
Что с мужем мы давным-давно родные,
Что в корневищах нас судьба соединила
До появления семьи моей в России.

Раздумывая, вышла со двора,
Неся в душе престранную находку.
Цвела заря, в сельпо давали водку,
На речку собиралась детвора...
Я шла и думала - как разобраться с теми,
Кто от меня скрывает знаний клад?
Ужели рыгться в корневой системе,
Отлично зная, что седое время
Не жалуется вмешательство лопат?
Или уважить тайну, как чужую,

Нимало не задевшую меня...
Существовать, невежество храня,
Как я доселе в этом мире существую...

Какая разница? Ведь мне ж и так неплохо!
Таким решением избегнула подвоха,
Соблазна жалкого - истратиться в раскопках,
В архивной плесени, сомненьях, нервотрепках...
И зарулила к магазину - взять бутылку,
Судьбы отметить непонятную ухмылку.

1997
Севск

ИСПАНСКОЕ ШОУ

Ночь, притон, гитары звук,
Юбки огненной мельканье,
Темных глаз иносказанье,
Каблуков недобрый стук...
Низких арок череда
Над замшелыми стенами
Словно средними веками
Пропиталась навсегда.

На столах бутылки стыли,
Красной влагою налиты,
И как будто из гранита
Лица высечены были.
Лица, руки, души тоже...
Было вроде бы похоже,
Что в приземистом подвале
Изваянья пировали.

Перед ними танцевала
То ль испанка, то ль цыганка,
То ли дикая вакханка...
Словно огненные жала
Были резкие движенья,
Грива черная металась,
Сумрачное выраженье
На лице не изменялось.

Кастаньеты в пальцах тонких

Дробь отчаяния били,
Лампы медные чадили
На раскрашенных клеенках.

Дым слоями над столами
Плыл, подрагивало пламя,
И готовили расправу
Взоры огненные справа...

Вряд ли быть такое может,
Что трагедия встревожит
Наши мирные устои.
Счас немислимо такое!

Но гитара вдруг споткнулась,
Заспешила, ритм сменила,
Изваянье шевельнулось,
Встало, лампу заслонило...

Пламя в лезвии навахи
Превратилось в сто огней,
Разбежались тени в страхе,
Задрожали на стене.

Счас порвется нить напряжения,
Смолкнет божья погремушка,
Страсть ломает, точно скряга,
Драгоценную игрушку...

Но... как будто по сигналу
К той, что все еще плясала,
Подошел идальго строгий,
Длинноносый, тонконогий...
Рядом встал и в ритм вписался,

Влился, будто бы впаляся;
Очень вовремя, бесспорно,
Изменил рисунок черный.

Отступила тьма в углы,
Наваждения пропали,
И накрытые столы,
И вино в моем бокале
Все весельем засияло!
Отхлебнувши из бокала,
Я сказала: “Как здесь мило!”
И маслиной закусила.

Усмехнулся мой сосед.
Рядом кушало обед
Благонравное семейство.
За стеной шумел мистраль,
И немного было жаль
Несвершенного злодейства.

1998

ДОН ГУАН

Ты думаешь, он станет ревновать?
Уж верно нет, он человек разумный.

А. Пушкин

Пришел треклятый Дон Гуан
С любовью вечною... Явился!
В страстей пылающий вулкан
Мир обреченный погрузился!

Не знали будто до него
Любовной неги и кровавой
Расплаты! Боже, боже правый!
И сатана, и божество
Слились, враждуя и дружа,
Дополнив и уничтожая!
То райской музыкой из рая,
То крови каплями с ножа
Союз нелепый утверждая.

Сюжета музыка лилась,
Мелькали - черная накидка,
Дуэль, гитара, монастырь,
Луна, мистический экстаз,
Восторгов сладострастных пытка
И над покойником псалтырь.

Маня трагический финал,
Страстей разыгрывалась вьюга...
К вдове на ужин пригласал
Гуан убитого супруга!

Уже в который раз влюблен,
И вновь безумно, окаянно,
Как иступленно клялся он!
Ему внимала Дона Анна...

Вдыхала чувственности дым,
Любви покорствуя невольно.
Страницы полыхали, к ним
Притрагиваться было больно!

А в полночь мертвый Командор
Входил, побрякивая сталью,
И прекращал жестокий спор
Между любовью и моралью.
1999

Александрю Пушкину

Ну что мне в имени твоём?
А всё! Как очень, очень многим.
Твои мечты, твои тревоги,
Существования пороги -
Питья живого водоём.

Печаль, любовь, вся жизнь твоя
Как будто бы для нас случилась,
Ты нам божественная милость -
И обвинитель, и судья,

Ты долгожданная удача,
Надежды светлой благодать,
Успокоенье... Как иначе
Могли бы просуществовать?

А ты - мол имя, что мол в нём?
Нас навестил, тогда бы понял,
В каком разгуле какофоний,
В каком чаду на полигоне
Воюем, пляшем и поём...

Как песнопения просты
И как печальны - боль, чернуха,
Ложь, похоть, набиванье брюха,
И стон голодной нищеты...

Но не хочу, о мой поэт,
Тебя терзать переживаньем.
Не навещай. Пускай незнанье
Убережёт от состраданья...
Увы, пути другого нет.

Пусть твое имя сохранит
Для нас божественности вид,
И нежит слух, и душу греет,
И утешает, и лелеет.

Произнесу... В потоке слов
Произнесу, словно заклятье!
И вновь Татьяной в белом платье
Пройду среди придворной знати,
Среди улыбок и цветов.

1997

Моей матери

Нет, нет, не повторю твою судьбу,
Характера ведь я не повторила.
Любила, мучила, потом похоронила,
Поплакала, увидевши в гробу,
И успокоилась, и поблагодарила.

Моя дорога уж почти равна твоей,
Годами я почти с тобой сравнялась.
А память общих улетевших дней,
Так странно, все яснее и светлей,
Все более напоминает жалость.

Нет, за собой не чувствую вины,
Должна бы вроде быть... не знаю, нету.
Лишь благодарность. Определены
Тобою многие приоритеты
Стремлений, взглядов, замыслов моих.
Я знаю, благодарность запоздала,
Но что поделать, лишь сейчас настало
Взросленье позднее, я поздно осознала,
Что из любви и горестей твоих
Судьба моя подспудно вырастала.

Была война, послевоенные разборки,
Духовный и материальный гнет...
Увы, не перечислить всех невзгод,

Доставшихся тебе. На мелкой терке
Людей стирали, чтобы был салат,
Удобный, мягкий для употребления,
А еще лучше - джем или варенье...

Достоинства и честности забвеньё
Происходило. Жили невпопад.
Но ты жила, как бы внутри храня
Мир любопытный, чистый и наивный.

Он, видимо, и оберег меня,
Надежно, словно старая броня,
От пошлости и злобы примитивной.

Нет, я судьбы твоей не повторю,
Поскольку судьбы вообще неповторимы.
Твои восторги мне не побратимы,
Иначе думаю, иначе говорю,
Иначе чувствую, и времена другие,
Другими междометьями сорю,
Но за любовь твою, за ностальгию
По юности тебя благодарю.

Еще за то, что яростно толкала
В профессию нелегкую мою!
Не знала я тогда, что полюблю
Ее неистово, я этого не знала.
Спасибо, уклониться не дала,
И в сторону уйти, и заблудиться.

Всю жизнь благодарить не утомится
Моя душа.

Когда на сердце мгла,
Я нахожу отраду на пути,
Я ухожу к палитре в мастерскую...

Спасибо, ты мне выбрала такую
Дорогу и заставила идти.

1996

Реально только гениальное - все-все
Талантом созданное, остальное - тлен!
Реален мир Дега, Рублева, Пикассо,
Реальны песни Одиссеевых сирен...
В них нету времени, в них нету перемен.

Реален Моцарт и бессмертен Дон Жуан;
Он существует, а козла-соседа нету.
И неба нету! Голубеющий экран,
Накрывший нашу нереальную планету -

Всего лишь миф! Нет, я нисколько не шучу!
Все матерьяльное так скоро умирает,
Минута, год, века - неважно, время тает,
Водой в песок без остановки убегает,
К нему привязывать эмоций не хочу.
Так нестабильно... Лишь привяжешься - с приветом!
Уже и нету, ничего-то рядом нету.

Вчера друзья, да что вчера - назад минуту,
Полслова, взгляд - и, как отведало цыкнуту,
Погибло дружество! Взамен родился холод...
Вчера младенец, посмотри, уже не молод,
Уже старик... А радость, счастье - тут уж, право,
И говорить смешно - секундная забава!
Но вечны Моцарты! Ни углублять идею,
Ни растолковывать не буду, не умею.
Умом конечным бесконечность не понять.

* * *

И продвигаться в эту сторону не стану;
Сбегу в искусство, к повелителю-султану,
Он милосерден, он не выгонит меня.
Спасусь от снов материальных, нереальных,
От низкой прозы, от житейской суеты,
Горячих точек, ситуаций inferнальных,
От ощущения конечной пустоты,
Магнитных бурь, тяжелых кризисов валютных
И настроенья перепадов поминутных.

Уйду в реальность, как машина на парковку,
Прерву контакты с иллюзорною дорогой,
В стабильность вырулю - ведь нужно так немного:
Послушать Моцарта иль посмотреть Ван Гога,
Иль просто-напросто поехать в Третьяковку.

1999

*Дни поздней осени бранят
обыкновенно.*

А. Пушкин

Бранят уж сотни лет. Не присоединяюсь.
Не повторю клевет. Уныла осень? Ложь!
Строга, серьезна - да. По мне весьма хорош
Характер у нее. Чем лучше, извиняюсь,

Весны-красавицы разнузданный приход?
Тщеславья вернисаж, безумья хоровод,
Шум, склоки, громкое кошачье смятение,
Трескучий ледоход, поэтов умиление,
Переслащенный яркорозовый компот!

Я не люблю ажиотажа, что кипит
Весной по поводу всеобщих размножений,
В воде и в воздухе, в земле среди растений
Он создает в душе покоя дефицит.

Уходит темнота с вечерней тишиной,
Ни призадуматься, ни подвести итоги...
Какой-то организм как будто бы больной,
Желания просты, наивны и убоги.

Нет, нет, весны сюжет
Мне всякий раз претил.
Тревогу вызывал, желание закрыться,

Уйти, припрятаться, и в осень возвратиться,
Мне осени сезон всегда милее был.

Всегда ее ждала... Вот и сегодня жду
И чтоб за нею шла развитием сюжета.
 Зима, чтоб темень, мгла,
 Чтобы метель мела,
И чтобы никогда уж ни весны, ни лета!

1996

Мы платим золотом за золотые стихи.
А. Бестужев

Стихи и правда золотые.
Вот только золотом платить
Никто не хочет. Как же быть?
Такие заросли густые
Невежества вокруг меня!

Так примитивны люди стали!
Их долго нищетой пытали,
Наверно, потому возня
Кипит вокруг приобретений,
Еды, одежды и домов,
Тугих, частных кошельков,
Вояжей...

А голодный гений
Хоть пропади! Не утешает,
Что Пушкин тоже так страдал,
Что Моцарт, Рембрандт... Что скандал
Такой всегда существовал,
И в общем людям не мешает.

Возможно, дело в равновесье:
Вещь нищим гениям дано
Летать в высоком поднебесье,
Пить светлой истины вино...
И хватит.

Явный перебор,
Когда б еще богаты были!
Наверно только - или-или,
И никогда через забор.
Конечно, можно поменяться,
Но, извините, не хочу!
Как душу с небом разлучу?
Как от полета отказаться?

Уж пусть как есть.
Но хоть немного
На пропитанье нужно дать.
Ведь неприятно голодать,
Даже летая возле бога!
Да и ему печально слушать
Хор недокормленных детей.
Рулады слабые, ей-ей,
Печалят божескую душу!

Верховный ропщет небожитель...
Не будьте к ропоту глухи -
За золотые за стихи
Хотя бы медью заплатите!
1996

Всё в норме, порядок вещей не нарушен.
Шум лета всё глуше, всё глуше, всё глуше...

Меняет окраску, тональность меняет,
Спокойствием душу мою наполняет.

А то ж я боялась - манкирует осень
Порядок вещей, не придет на свиданье!
И я от тоски, как любовник в изгнанье,
Которого милый возлюбленный бросил,

Погибну. Нет, стихли вороны базары,
И дождик сегодня, и запахи осенний...
Припряталось солнце, и синие тени
Покинули мокнувшие тротуары.

Ловлю твой приход, дорогая подруга!
А там и царица души охладелой
В своей изумительной мантии белой
Торжественно выйдет из времени круга.

Ах, как хорошо! Не нарушен порядок.
Мне августа холод и весел и сладок.

1997
Селятино

С окруженьем ладить не умею,
И уже не выучусь, увы.
Как же вы умели, амадеи?
Или потому, что вне Москвы

Проживали? Там оно возможно!
Не у нас, среди наших амплитуд.
Здесь поэтом быть неосторожно,
Уничтожат иль с ума сведут.

Жили мы всегда бесчеловечно,
Храм построил - нужно ослепить!
Лишь бы уникальность закрепить
Своего имущества навечно.

Мыльную удавку надевали
На поэтов, лучших из людей!
Вряд ли еще где-то, амадей,
Мыслимы такие пасторали.

Здесь искусство, всем оно до фени -
И картины, и стихи, и проза...
Только бы послаще угощенье,
Золото, карьерные ступени,
Похотливости апофеозы...

И над всем тяжелый запах серный
Стелется, пощады не проси...
Может, в самом деле милосердно

Убивать поэтов на Руси?

Безболезненно и поскорее
Длительные муки упреждать.
Так что не спешите, амадеи,
В наше златоглавье приезжать!

1995

* * *

Тело дали мне прекрасное такое,
От возможностей я просто обалдела:
И глазами управляю, и рукою,
Говорю, смеюсь, мозгами планы строю -
Совершенно изумительное тело!

Мне душа дана такая золотая -
Божество живет в телесной упаковке!
За пределы понимания летает,
Возвращается и тихо отдыхает,
Безмятежно, как машина на парковке.

Понимаю, что осыпана дарами,
Только мне они без надобности, право.
Средь людей, где примитивности в программе,
Не нужна такая сложная октава.

И от этого, увы, несовмещенья
Подготовки и задач с реальным делом,
Происходят средь меня недоуменья,
И бессонная тоска, и огорченья,
И отчаянье на грани самострела.
1996

* * *

*Твоя краса, твои страданья
Сокрылись в урне гробовой,
Исчез и поцелуй свиданья...
Но жду его: он - за тобой!*
А. Пушкин

Я знаю, там, куда ушел,
Долги любви тебе вернули,
Горячие, как сон в июле,
И всё сложилось хорошо.

Там абсолютно всё сбылось,
Всё то, что на земле прервалось,
В тебе мечтою оставалось,
Надежды кружевом плелось.

Сбылось... И та, пред кем рыдал,
Не в силах оборвать лобзанье,
Та, с кем загробное свиданье
Так гениально угадал,

Там обняла тебя она,
И прошептала, утешая:
“Нам, на земле вкусившим рая,
Пустыня неба не страшна”.

1997

Какой жестокий диссонанс:
Краса осенняя повсюду
И пес бездомный среди нас
Здесь на платформе. Амплитуда...

Да, амплитуда дел земных
От высоты до жуткой бездны.
Неделю ходит, весь облезлый,
И ждет, и ждет... В сознание сдвиг,

Одна любовь в его сознание.
За каждым поездом бежит,
И сердце видимо дрожит
От радостного ожидания.

Потом сжимается - опять
Не появились, не забрали.
Такой убийственной печали
Нет, я не в силах наблюдать.

Мне кажется, это меня,
Меня забыли бесшабашно.
Мне одиноко, больно, страшно...
И каждой клеточкой любя,

Я все за поездом бегу,
Зову и плачу, плачу, плачу...
Я просто не могу иначе,
Хотела бы, но не могу.

1996

БАНЯ ГОГИЛО

Жене Набокиной

Давным-давно, когда подъем Мухранским был,
Еще не знал, что будет он Бараташвили,
Мы в баню по нему в неделю раз ходили,
Где нас горячею водой источник мыл.

Водю серною, вонючей, но полезной,
Что из горы уж разогретая лилась,
И накопившаяся отмывалась грязь
Рукою терщицы безжалостно-железной.

На скалах сумрачных над пенистой Курой
Была устроена обитель очищенья,
Имела женское, мужское отделение,
Бассейны каменные, мокрые сиденья,
В прихожей шкафчики... Субботнею порой

Армянки старые здесь мылись допоздна,
Чесали длинные седеющие косы.
Я помню тощую одну с огромным носом,
С глазами цвета трехсотлетнего вина,
Ветхозаветную...

А мы, мы быстро мылись,
И уходили в дождь к себе на Авлабар,
Минуя площадь, забредали на базар,
Где горы персиков пушистых приютились...

Инжиры, мушмула... И как сказал поэт,
Шестнадцать лет нам были счастию замена!

Кинто тащил рояль, мела курдянка сцену,
И фэзтон изображал кабриолет..
Закрылся юности театр, разрушен зал,
Исчезли зрители, казалось бы – finita.
Но навсегда во мне остался Авлабар,
Высокогорною водой душа промыта.

1998

За окошком, словно девушка красивая,
Осень, осень целомудренно-прохладная,
К разноцветным украшениям не жадная,
Добродетельная и несуетливая.

За окошком, словно женщина достойная,
Осень, осень все узнавшая, стерпевшая,
Золотую свою арию пропевшая,
Уважаемая, гордая, спокойная.

За окошком, как химера, наваждение,
Осень серая, жемчужная, туманная...
Каждый раз такая новая, желанная,
Каждый раз для сердца сладкое забвение.

Видно, в сердце тоже осень намечается -
Кошка теплая, загадочная, сонная,
Все глядит, глядит в пространство заоконное,
И, задремывая, медленно качается.

Тучи низкие висят, и дождик падает,
Ветки голые по небу черным кружевом,
Серою фиолетовостью радуется
Куст репейника, склонившийся над лужею.

Очень рано на предметы опускаются
Ночи черные, таинственные, длинные...
В них окошки, словно плошки, загораются,
Там, наверное, под лампами читаются
Сказки добрые, волшебные, старинные..

1996

ШУТКА

Блаженство можно вам купить.

А. Пушкин

Сейчас не время для стихов,
Я опоздала, как обычно.
Мне это сделалось привычно,
Увы, менталитет таков,
Мой индивидуальный, личный.
Сейчас не время для стихов.

Вот тридцать-сорок лет назад...
Какая жажда наблюдалась!
Как принималось все, читалось.
Всему, всему безумно рад
Был почитатель-обожатель
Теперь глухой... Увы, увы,
Условия жизни таковы,
Поэта вытеснил стяжатель.

Спрос, что рождает предложение,
Упал, скатился до нуля.
Всяк умный, выживанья для,
Пресек поэзии служенье.
А я вот нет, все нет и нет,
Никак от дури не устану.
Сегодня утром, как по плану,

В ушах уже привычный бред.

Звучит излюбленная строчка
Ритмично, как прибой у скал:
“Чертог сиял... Чертог сиял...
Чертог сиял”... И все, и точка.
Чужой фантазии причуда
Заныла, словно зуб больной,
Томит, как африканский зной
Или попутчица-зануда.
Не оставляя, беспокоя,
В ушах тревожащий сигнал:
“Чертог сиял, Чертог сиял,
Чертог сиял...” Да что ж такое?
Неужто вновь писать заставят?
И дел сегодняшних маршрут
Рукою властной сметут,
В слова и рифмы переплавят?

Диктаторы, угомонитесь,
Не время творческих проказ!
Сдается мне, на этот раз
Вы по-пустому суеитесь.
Нет оснований править бал!
Подумаешь, всего два слова.
Ну что, скажите, здесь такого -
„Чертог сиял... Чертог сиял?..”

Чертог сиял, в нем пированье
Древнеегипетское шло...
Вы что же, руки, мне назло
Стартуете в повествованье?
Пергамент желтый раскрутили,
Стряхнули пыль и опустили
Перо в чернила... Вот те раз!
Как мне утихомирить вас?

Как оттащить от старой темы?
Зачем она вам, для чего?
Иль правдолюбья вещество
Тревожит нервную систему?

Тревожит, точно. Дело в том,
Что отыскался старый свиток,
И в нем, словно хмельной напиток,
Рассказ о времени былом.
Живой, взволнованный рассказ,
Участника и очевидца,
Свидетеля, как говорится,
Вот только слог - не первый класс.
Но стоит ли радеть о слоге?
В древнеегипетском чертоге
Вполне могли им пренебречь,
Зато звучит прямая речь.
И есть возможность, все до корки
Перелистав, узнать финал.
А то ведь что: “Чертог сиял...”
А чем закончились разборки,
Неясно.

Пушкин утаил,
Скрыл бурной ночи окончанье.
Придется мне, хоть нет желанья,
Все, что он не договорил,
Сказать. Ужасно неохота!
Занятие для идиота -
Любимцу Музы возражать.
Но что поделаешь? Прижать
Легенду темную придется,
Иначе совесть не уймется.
Папирус сильно пострадал,
Возможно, в пламени пожара,

Когда разбитая бежала
Дружина Марка, осаждал
Столицу Цезарь, шла война...
Вы представляете, что было?!
Но время все же сохранило
Кое-какие имена
Времен колоссов и жрецов
И неразумных мудрецов.

Ни буковки менять не стану,
Пускай без замысла и плана,
Без суетливого сюжета,
Простыми фразами одета
Звучит языческая страсть
И деспотическая власть.
Все сохраню: обилье тем,
Насмешку, живость выражений...
Игрой своих воображений
Не поучаствую совсем.
Пускай один ведет рассказ,
Тот, кто любил и возмущался,
Смеялся, с жизнью прощался,
И пил... Пускай проводит нас
В Египет, во дворец, на бал,
На пир, на царскую тусовку...
Посмотрим, что за обстановка
Была...

Итак, чертог сиял...

Да, вот еще - при переводе,
Ища эквиваленты слов,
Древнеегипетских оков
Я избегала. Данью моде
Порою кажутся стихи,
Но это лишь эмоций ради,

Чтоб показать, в каком отпаде
Подвыпившие мужики
Были в ту в ночь, когда царица
Достала их, как говорится.

Теперь пошли. Смотрите - блики
Плывут в рубиновом вине,
Смотрите - стройны, однолики,
Рабьни движутся. Вовне
Ночь стынет синяя, густая,
Египетская...

Я читаю:

“Чертог сиял. Мы возлежали,
Мы пировали неспеша,
Еду вином перемежали
И увлеченно обсуждали,
Против приличий не греша,
Достоинства своей царицы
И счастье с нею переспать.
Она внимала, выпивать
Не забывая. Танцовщицы
Пред нами нитками вились,
Причудливо переплетались,
Мы все сильнее вдохновлялись,
И как обычно, напились,
Наелись и навывражались.
Мы ясно выразили ей,
Что просто жить никак не можем,
Не разделивши с нею ложе,
Не ощутив ее своей.
Все-все оформили словесно,
И понапрасну - скоро час,
Она как будто отвлеклась,
Задумалась... Неинтересно

Ей стало что ли? Вот, сидит,
В пространство смотрит, барабанит
По мрамору... Сердца тиранит
Ее отсутствующий вид.

Очередной певец ути"...
(Здесь край сгорел) "и обрати..."
Взор на царицу в ожиданье..."
Здесь выгорело описание
Печали общей. Но потом
Зато все цело, все путем
И превосходит ожиданье.
Огонь не тронул письмена,
И мы читаем:

“Уж луна
Взошла на темном небосводе,
Когда бледна, утомлена
Разнузданным чревоугодьем
И славословий половодьем,
К нам обратилась она
И предложила ночь свою...
Да так серьезно предложила...
Вот только цену заломила -
Сказала: “Каждого убью,
Прикончу на исходе ночи.
Ну, кто из вас меня захочет
Ценою жизни? Кто из вас
Собой оплатит страсти час?”

Мы онемели. Душегубка!
Конечно, возразить нельзя,
И то, что прикрывает юбка,
И то, что выше, и глаза -

Все совершенно. Не допью
Пускай я этого бокала,
Когда такая обитала
Даже в прославленном раю!
Не выйти мне из-за стола,
Если подобная жила
Когда-нибудь еще где-либо!
Вы опровергнуть не могли бы
Меня, когда б пришли сюда,
Хоть на секунду заглянули...
Ну, да чего там! Вон, в июле,
Когда с полей ушла вода,
Сомлели сфинксы, и от зноя
Горели птицы в вышине,
Страдая болью головною,
Верховный жрец признался мне,
Что он...

Нет, лучше промолчу,
Не буду судьей виновным.
Своим наставникам духовным,
Еще тем более верховным,
Карьеру портить не хочу.
И сам непрочь в живых остаться,
Хоть для того, чтоб продолжать
Вином прохладным наслаждаться,
В людских безумствах убеждаться,
Вблизи царицы возлежать...
И вам оставить описание
Безумной ночи...

Всё кругом
Молчало. Факелов огнем
Озарено было молчанье.
Между колонн, возмущена,
Застыла ночь, застыли слуги,

И чаша темного вина
Застыла предо мной, полна,
Нетронута. В порочном круге
Мгновенно оказались мы,
Молчали, смятые духовно
Остервенением любовным
И ужасом пред ликом тьмы!

Я знаю, через тыщи лет
Мое писанье будет странно -
Подумаешь, какая манна
Постель царицы! Темный бред -
Вы скажете, ишь, сколько шума,
Проблему, тоже мне, нашел.
Смешно... Простите, ваших школ
Мы не прошли, и надо думать,
Уж не пройдем. Живем, увы,
В дохристианской темнотище,
Годов понадобятся тыщи,
Чтоб народить таких как вы.
Распространить науки свет,
Все тайны наши обезглавить,
Взамен - комфорта трафарет
И ножки Буша на обед
Вам благосклонно предоставить...
У нас такого кайфа нет.
Мы верим - темный, беспощадный
Здесь на земле определен
Порядок жизни. Тяжкий сон
Существованья подчинен
Стихии, сущности всеядной
Зверобогов. Нам не смешон
Театр обрядов погребальных,
Перемещение тел астральных,

И неизбежности река...
Наш разум спит еще пока.
Пусть спит, еще не осмелел,
Не стал единственный хозяин,
Не переехал в центр с окраин,
Эмоций не преодолел.

Так свой кумир боготворим,
Что мысль назвать его своим
Хоть ненадолго, хоть за плату,
Высокую, сразила нас,
Испепелила, истребила...
Притормозить? Не тут-то было!
Фантазия в который раз
Услужливо изобразила
Все-все, ей это не впервой!
Вот только утро... Я не в силах
Был распротиться с головой.
Другие тоже...

Зал притих.
Молчим, а ей и горя мало.
Лица прекрасного забрало
Скрывало аморальный сдвиг
Почти на грани криминала.
Ну просто верилось с трудом,
Что в чудном облике таком
Приют души малодостойной
Глядит с улыбкою спокойной,
Не сомневается - придем.

Рубинов красных водопад
На плечи смуглые стремится,
В тяжелых траурных ресницах

Глаза прозрачные лежат.
Лицо как будто взято в плен,
Как темнота волос сгустилась,
И черным шелком опустилась
На мрамор сдвинутых колен.
Трепещут ноздри, ряд зубов
Белеет влажною полоской
Между губами цвета воска...
Нет, просто не хватает слов
Для описанья!

Ну и ночь...
Все расплывается, двоится,
Свет пляшет, озаряет лица,
Где лишь желанье превозмочь
Испуг смертельный или пламя
Испепеляющих страстей...
И словно истукан меж нами,
В красе немислимой своей
Сидит царица.

Не всегда,
Нет, не всегда вот так сидела.
Да, память... Было, отгорело,
Ушло, словно в песок вода.
Ушло смятенье первых встреч,
Свиданий тайных, было, было...
Не знаю, помнит иль забыла,
Как я сумел ее увлечь.

Теперь сидит... А ведь тогда,
Скрыв прелести под покрывало,
Блудницей юною бежала
Ко мне, и сонная вода

Свиданья наши отражала.
В сырых высоких тростниках,
Среди дремавших крокодилов,
В ладье, на смятых парусах,
Под небом черным, как чернила,
Мы забывали даже страх
Расплаты. Ведь когда бы нас
Нашла карающих десница,
Ей никогда не стать царицей,
А мне... ну мне воше атас!
Немного пролилось дождей
С тех пор, а изменилось много
Высокой мудрости дорога
Судьбою сделалась моей.
Дорога мысли, врачеванья,
Молитв, магического знания,
Информативных озарений
О точном статусе творений.
Высокий мой авторитет
Непререкаем среди знатных,
Все жаждут нелюбимых
Глубокомысленных бесед.
Все так. Но я не сохранил,
Не возвратил, не повторил
Те ощущения, что когда-то
Владели сердцем. Нет, ни золото,
Ни мудрость в тенетах чернил,
Ни поклоненье, восхваленье -
Ничто не помогло забыть
Святое разума затмение,
Способность легкую любить.
И паруса, и крокодилов,
Прохладу ночи, запах Нила
И тростники... А может быть,

Пора судьбу свою решить?
Ну что же, попаду в финал
Легенды мрачной и жестокой.
Подумаешь, умру до срока...
А где те сроки, кто бы знал?
Да, кто бы знал... Как говорится,
Мы все там будем, все умрем...
Но прежде стану вновь царем,
Твоим царем, моя царица!

Встаю, меня напротив двое
Еще встают, сосед встает...
Не отступили пред ценою!
Ну что же, смертники, герои,
Любовь приговоренных ждет!

Любовь... Достоин удивленья
Беспрецедентный феномен!
Все отдает в постыдный плен
На полное уничтоженье.
И все и вся, и всех впридачу...
Просто какой-то самострел!
Молчу, упреков не хотел,
Они уж ничего не значат.
Кто покупает, тот и платит,
Все до последнего гроша.
Я соглашусь, налички хватит,
Покупка больно хороша!

Идем, как овцы на закланье.
Она сидит, луны бледней,
Вот подошли и в ожиданье
Остановились перед ней.
Глядит так смутно, непонятно,

То ль размышляет, то ль в сомненье,
И хочет изменить решение...
Нет-нет, царица, на попятный
Нельзя! Ну что ж тогда для них,
Потомков наших сохранится?
Ты ж легендарная царица
А не какой-то мелкий псих!
Но, поднявшись из-за стола,
Она служанку позвала,
Зажечь светильник приказала,
Потом надела покрывало,
Кивнула, и к дверям пошла,
Оставивши в недоуменье,
В душевном, умственном смятенье
Присутствующих. У дверей
Остановилась. “Извините, -
Сказала, - всех моих затей
Векам исчислить не спешите.
Бывают шутки неудачны,
Вот эта, видимо, из них.
Простите. Я отнюдь не псих.
Устала просто. Очень мрачно,
Черно над вами пошутила”.
Ушла, как факел погасила.

Мы были опустошены,
Мы просто глаз поднять не смели,
Мы побрели, мы тихо сели...”
А дальше все слова сгорели,
Возможно, горечи полны.
Зола, в руках одна зола...
Финал окутывает мгла.
Не будет стало быть финала.
Обидно, я бы так желала

Вам резюме преподнести,
Итоги как бы подвести.
А впрочем, что они, итоги?
Ну, побывали мы в чертоге,
Послушали, понаблюдали,
Полубовались на детали...
Достаточно. Любовь, кураж -
Все выглядело симпатично.
Но было б непедагогично
Одобрить прихоти вираж.

А осудить? Не знаю, право...
Как осудить оттенки сплава
Природного? Как разобраться,
Где святости, где святотатства?

Я не берусь. Окончен бал.
Ночь входит в опустелый зал
Уже остывший от пыток,
Кувшин оставленный берет
И в золотую чашу льет
Темно-рубиновый напиток.
Своим приходом все меняет:
Луны серебряный наркоз,
Мешаясь с ароматом роз,
Чертог высокий наполняет.
Из сада, влагою дыша,
Тумана движется опала,
В нем хвост кометы темно-алой
Шипит и гаснет, неспеша
Проходят карлики, гиганты,
Планеты, звезды... Млечный путь
Ползет, изображая ртуть...
Созвездий блещущие банты

Между колонн и по углам
Кольщутся как паутина,
Метеоритов яркий хлам
Алмазной пылью здесь и там
Туманит общую картину.
А вдалеке полоской стали
Сияет зеркало реки,
Там паруса, там тростники -
Легенды сумрачной детали...
Как дети, крокодилы спят
Уткнувшись в бархатную тину,
Луне подставивши старинный
Темно-оливковый наряд.
И безутешно флейта плачет,
Безумствам подводя итог...
Сияет царственный чертог,
Сияет, но теперь иначе.

Он светом томным, голубым,
Он звездным холодом сияет.
Хоть вновь пиши... Кто его знает,
А вдруг царицей был любим
Кто-то совсем неподходящий?
И в тишине ночной, звенящей,
Она ждала его в саду,
Иль у реки, иль в этом зале...
Но это все уже детали
Других стихов в другом бреду,
Который сбудется едва ли...
Ну, все теперь? А вот и нет!
Исчерпан вроде бы сюжет,
Но мысль еще одна осталась,
Я колебалась, не решалась,
И все же выскажусь:

Порой
Мне чьей-то кажется игрой
Бег нашего существования,
Без замысла, без основанья...
Просто подобье карнавала!
Судьба иль дурака валяла,
Или в подпитии была,
Когда причудливо смешала
Характеры, добра и зла
Устроила переплетенья,
Соединила свет и тени,
Поправши логики права,
В ритмические кружева,
Где нитки мыслей и страстей
В хмельном кольшутся узоре,
Где равнозначны смех и горе,
Средь человеческих затей.
Ложь правдой кажется, и ложью
Пропитан истины момент,
Мы суедемся у подножья,
Откуда сброшен монумент.
Трагедия - она ж потеха,
Победа - наихудший крах,
И от величия до смеха
Всего один недлинный шаг.

1996

ПРОГУЛКА

*Дельфийский Возничий - бронзовая статуя юноши, правящего квадригой (четверкой лошадей, запряженных в легкую колесницу). Статуя исполнена неизвестным автором второй половины I тысячелетия до н. э. и найдена на стадионе в Дельфах.
Из путеводителя по Греции*

Смотри, на лужах тонкий лед,
Под ним студеная водица,
То дождь идет, то снег идет..
Здесь климат, видишь ли, не тот,
Что в Аполлоновой столице;
И потому страстей психоз
Не принимают здесь всерьез,
Возничий бронзовый! Вот так.
И все ж, начну повествованье,
Затем, что не могу никак
Прервать полночные шептанья.
Затем, вернее, потому,
Что от общения устала
С твоей подругой! Как в тюрьму
К ней в ситуацию попала.
Как будто бы в моей крови
Она безумье поселила -
Все говорила, говорила
О преступленьи, о любви,

И днем, и ночью говорила.

Не стану истязанье длить,
Она одна за все в ответе,
А я хочу спокойно жить,
Накапливая добродетель,
Благоразумье, тишину...
Надеюсь, их себе верну.
Тем, что сейчас перескажу
Страстей историю крутую,
И на других переложу,
Как разукрашенную сбрую.
Уйду в сюжет, как на вокзал,
Уеду вглубь повествованья,
Где кипарисы, изваянья,
В ресницах бронзовых глаза...

Глаза Дельфийского возничего -
Эмалевая инкрустация.
Что было - бред, галлюцинация,
Иль шпионажа неприличие?
Да нет, какой там шпионаж...
Всего-то навсего прогулка
Под вечер в Дельфах.

Переулком

Я шла. Внизу, словно мираж,
Ущелье предо мной лежало,
Был воздух влажен, зной спадал,
Отдохновенье ожидало
Весь человеческий скандал.
Скандал, конечно, не иначе -
Я мир воспринимаю так,
Поскольку разума костяк

В нем очень слабо обозначен.
Одних лишь чувствований бред
Нам и отрада и услада.
Я увлеклась, проблем не надо
В начале. Размышлений след
Перенесу я в окончанье;
К морали привлеку вниманье,
И огорчу, и напугаю,
И всячески понапрягаю.

Но это после, а покуда
Был вечер тих, благоухал,
Как свежего букета чудо,
И город Дельфы отдыхал.

Между белеющих домов
Крутые лестницы спускались,
На переулки натыкались,
Их перепрыгивали, вновь
Бежали книзу. Свет на них
Из окон падал. И казалось,
Немного солнца здесь осталось
Под окнами на мостовых.
Внизу, по берегу курсивом
Огни портовые цвели,
Там отдыхали корабли
На темном зеркале залива.
А у распахнутых дверей,
Без пиджаков и без затей,
Сыны Эллады восседали,
День уходящий наблюдали,
И пили кофе ароматный
Под звуки музыки приятной.
Туристы рядом пили пиво...

И было очень все красиво.

Я шла сквозь мирное тепло
Вечернего существования.
Вдруг что-то слева привлекло
Мое досужее вниманье.
Кого-то кто-то догонял.
Остановил и задержал
Возле меня. В ночи шептанье
Мне стало слышно. У стены
Стояли двое. Я всмотрелась -
Повязка бронзой загорелась,
И ясно стали мне видны
Сквозь позлащенные ресницы
Зрачки бездонной глубины,
Зрачки Дельфийского возницы!
А женщина - она была
Из архаических находок.
Худа, невелика, смугла,
И странный темный самородок
На шее тоненькой несла.

Шли люди, но никто вниманья
На парочку не обращал,
И голос женщины звучал
В разрывах хриплого дыхания:
“Узнал меня? Ужели трудно?
Я здесь Сивиллою была,
И предсказаньем безрассудным
Тебя когда-то обрекла
На гибель. Помнишь этот день?
Святой источник, омовенье,
Народа пестрое кипенье,
Прозрачных эвкалиптов тень,

Цветов и факелов мельканье?
Потом обряды начались,
И темным вихрем понеслись
Мои глухие предсказанья!

Ты помнишь, как народ бежал,
Собой безумие являя,
Ко мне ладони простираю,
Об избавленье умоляя?
Тогда, поднявши волоса,
И разметавши покрывало,
Я спросила небеса
И волю их продиктовала!
С Парнаса тучи шли грядой,
И змеи молний упали,
Разя и жаля, чередой
Жрецы влеклись, и завывали
Ужасно псы... Качнулся храм,
Удары сотрясали гору!
Я поняла - сейчас отдам
Невинных в жертву приговору.
Душа, отравленная ядом,
Моею больше не была -
Тебя увидела и рядом
Ее, вас охватила взглядом,
И от живых оторвала!

И пальцы выбросив вперед,
Вскричала: “Вот он, вот он, вот он!
Пусть умрет, пусть умрет,
И с ним она, и кто так, кто там
Еще в семье, малыш, отец
И брат...” По слову все свершилось
В крови у жертвенника билось

Пять тел. Безумию конец
Настал. Я с камня вниз спустилась.
Омылась в стиковых водах,
Ждала. И полночь наступила.
Приплыл Харон, я попросила
Меня забрать, но только страх
Его лицо изобразило.

Вас, убиенных, посадил.
Вода под веслами вскипела,
И лодка в темень полетела.
Так от меня ты уходил.
И я как будто отлетела
С тобою вместе от земли,
Где люди этой ночью жгли
Мне недоставшееся тело.

Припоминаю запах дыма,
Он меж оливами блуждал,
В ущелье ветром заносимый.
Словно меня сопровождал
Своим дыханием любимый.

Пойми, я женщиной была,
Как все, рабыней Афродиты!
Кто ж виноват? Твою орбиту
Моя любовь пересекла”.

Мелькнула смуглая рука,
Его коснулась одеянья:
“Пойдем, я мучилась века,
Пока созрела для признанья.
Пока, скитаясь, не дошла
В своем отчаянье до края.

Вот почему тебя нашла,
Вот почему к тебе пришла,
Суда и казни ожидая.

Пойдем со мною”. Молча он,
Ресницы бронзовые вскинув,
Смотрел на худенькую спину
И на изорванный хитон.
“Что заслужила, все приму, -
Она, волнуясь, говорила. -
Пускай по слову твоему...”
И, видно, продолжать не в силах,
Умолкла.

Медленно они
Пошли в тени около дома
Туда, где города огни
Кончались. Видимо, знакома
Дорога эта им была.
И я тихонько вслед пошла.

Прошли отель, таверну, храм,
По направленью к темным скалам.
Туман белесым покрывалом
Пополз за ними по пятам.
Распространился по ложбине,
И влево повернул, туда,
Где между скалами доньше
Течет кастальская вода.
Сивилла, сдвинув покрывало,
Встав на колени, напилась.
С коротким вздохом поднялась,
Кругом взглянула и сказала:
“Я помню, статуя стояла

Здесь у бассейна. Сколько раз,
Богам послушная, влеклась
Сюда и тело омывала.
И сколько раз уже потом
Себе погибели просила...”
Рукою ткань перехватила
У горла. Молвила: “Пойдем
Еще наверх, некрут подъем”.
Тропинка в сосны уходила.
Пошли.

И снова вслед поплыл
Туман, крутился, извивался,
И вместе с ними поднимался
Вверх по ступенькам без перил.
Глотал ступеньку за ступенькой,
Шаги неровные глушил,
Мне уши ватой заложил,
Потом на плечи душегрейкой
Наделся и не отпускал,
За майку ключьями цеплялся,
Тропу у ног пересекал,
И на кроссовки налеплялся...

А рядом, словно корабли,
Качались глыбами в тумане:
Храм Аполлона, пуп Земли,
И камень, да Сивиллы камень.
Та одинокая скала,
Где страстью движимая дева,
В порыве ревности и гнева
Так беспардонно солгала.
Театр античный замаячил
Овалом зубчатых руин,

И мягкий силуэт вершин
Себя неясно обозначил.
А выше, меж сосновых крон,
Словно игра воображенья,
Возник прозрачный стадион,
Знакомое сооруженье.

Совсем другим его я знала.
Здесь, свежей утренней порой,
Сидела, виноград жевала,
И разомлевшую рукой
Парнас высокий рисовала.
Лениво думала о том,
Как все в России по-другому.
Нет-нет, не порывалась к дому,
Лишь вспоминала милый дом.
Летела мыслями к тебе.
Надеюсь, ты то понимаешь,
Какую роль во мне играешь,
В моей разболтанной судьбе?
Пусть не присутствуешь со мной
В невероятном приключеньи
(По-видимому, мне одной
Предназначают представленье),
Зато присутствуешь в России,
На счастье или на беду.
Руками только разведу,
Вопросы встретивши крутые:
Кто, для чего и почему
Нас вместе вынудил скитаться
По этой жизни? Не пойму,
Не стоит, видно, и пытаться.
Уж так, она нам на двоих,
Судьба, где вечно происходят

События, без счета их,
Как сорняков на огороде.

Будто какой-то психопат
Подкидывает катаклизмы:
То дождь холодный невпопад,
То бунт, то кражи, то марксизмы,
То седовласую бомжу
У батареи охлажденной,
То ложь во всем, что ни скажу,
То обувь не под стать сезону...
Наш полуобморочный быт
Средь невезухи трафаретной,
Где ключ поэзии забит,
Увы, полемикой газетной,
Порнухой, сплетнями, рекламой,
Многосерийной мелодрамой...
Россия, нищая Россия...

Что это я вдруг завелась?
От чувств высоких отвлеклась
На рассужденья бытовые.
Ишь, сколь чернухи намотала!
Нет, возвращаюсь на Парнас.

А там совсем иначе стало:
Луна средь неба заблестала,
Как праздничный иконостас.
В ее сиянье появились
Руины мраморных ворот,
Над ними сосны наклонились,
Собой обозначая вход,
И стадион виднее стал
Почти до финишного края.

Тут голос снова зашептал,
События перебирая,
Рассказывая, как пришла
Сюда и на скамейку села.
Трибуны взглядом обвела,
Потом на поле посмотрела.
А там, под соснами в тени,
Среди друзей своих беспечных,
Стоял такой же, как они,
Еще не бронзовый, не вечный,
Возничий. Лошадей ласкал,
Готовился к соревнованиям,
И ветер складками играл
Узорчатого одеянья...
Описывала, словно сон,
Вновь от восторга замирая,
Полет квадриг, туда, до края,
Через шумящий стадион.
И как потом его победа
Всех со скамеек подняла,
И как домой она брела
Во власти сладостного бреда...

И он, возможно, увидал
Коней лоснящиеся спины,
Ритмичный топот услышал,
Словно удары тамбурина.
И вес лаврового венца
Почувствовал вместо повязки,
И бег скульптурного резца
По глиняной холодной маске.
И на трибуне, среди лиц,
Ее лицо, возможно, вспомнил...

Ну объясните, для чего мне
Античных тронутых девиц
Тысячелетние стенанья?
Но я захвачена была,
Она как будто обожгла
Меня своим повествованьем!

Сорвался камень из-под ног.
Наверно, женщина устала.
Он руку подал ей, помог
Преодолеть камней завалы.
Вокруг все более светлело,
В ущелье вниз упал туман,
Я пред собою разглядела,
Как неподвижный крупный план:
Поляну на краю земли,
И справа, в пропасти глубокой,
Ущелье, серебро потока,
Долину, город, корабли.
А на поляне валуны
Стояли будто бы надгробья,
Разглядывая исподлобья
Тарелку желтую луны.
И возле темных валунов,
Там, где куски земли остались,
Каких-то призрачных цветов
Головки синие качались.
Ужели синие нарциссы -
Цветы прощения, забвенья!
Со сцены жизни за кулисы
Давно ушедшее растенье.

Меж них походкою усталой,
Приговоренная прошла.

Остановилась и сказала:
“Я часа этого ждала”.

И тут огромная луна
Возникла прямо над поляной.
Конечно же, звалась Дианой,
К сестре сочувствия полна,
Склонилась низко, очень низко,
И вся поляна запылала:
Камней высоких обелиски,
Нарциссов синие кристаллы.
И засветились, пламенея,
Словно жемчужины на дне,
И камень у нее на шее,
И бронза на его ремне...
Цепочкой горы появились
Словно серебряная нить
Как будто боги сговорились
Финал поярче осветить.
“Ну что ж, - Сивилла продолжала, -
Ну что же, разочтись со мной,
И помоги душе усталой
Уйти с поверхности земной.
К реке спуститься, к перевозу,
В ладье спасительной уплыть,
Чтоб никогда не повторить
Земной судьбы метаморфозу!
Ну что же медлишь покарать?
Или не хочешь рук марать?
Жалеешь? Не за тем пришла,
Не для того тебя искала...”
И наземь бросив покрывало,
Его колени обняла!
Лицом горячим ног коснулась,

Щекой притронулась к руке,
И скорбно голова качнулась,
Словно цветок на стебельке.
“Позволь, - слова звучали глухо, -
Позволь, мне будет лучше там,
Позволь, ведь невозможно нам...”
И недоступными для слуха
Стали дальнейшие слова,
Пропали в складках одеянья,
Словно последняя листва
Слетела с дерева признанья.

Ее он поднял, обнимая,
И к краю пропасти повел.
Она пошла, как неживая,
Судьбы жестокий произвол
Здесь на поляне оставляя.
Ступила шаг, другой и третий,
И в пропасть темную упала.
За ней туда же бросил ветер
Оставленное покрывало.
И, пробежавши по поляне,
Качнувши синие цветы,
Умчался в бездну высоты,
Неся богам повествованье
О том, что здесь произошло.
А на поляне стало тихо,
Как будто никакое зло,
Как будто никакое лихо
Здесь не бывало никогда,
Под этим небом и луною
Среди цветов.

Но как тогда,

Но как же быть тогда со мною?
А я расстроена была,
Душою вниз, за ней летела,
Давно прошедшие дела
Судить сегодня не хотела!
Ведь уж свершилось наказание,
В тысячелетьях растянулось.
И я к вознице обернулась,
Но... пусто было на поляне.
Только улавливало ухо,
Внизу, где должен он идти,
Как бронза отзывалась глухо,
Встречая камень на пути.

И я почувствовала страх.
Мне на минуту показалось,
Что в этих каменных горах
Я навсегда одна осталась.
Что никогда я не спущусь,
Все буду охранять поляну,
Теней разорванный союз,
Покуда тоже тенью стану.
Что вот такая, боже мой,
За любопытство мне расплата,
Что пошутили надо мной,
Как над Сивиллою когда-то!
Я побежала вниз, скорей,
Скорей туда, к обычным людям!
Пускай в неведении будем
Касательно судьбы своей.
Не нужно предсказаний нам,
Разборок тягостных античных,
В переплетеньях мелких, личных,
Без костюмированных драм

Хочу прожить. Скорее вниз!
Я спотыкалась, я скользила,
И головою кипарис
Качал, понять меня не в силах.

Такой изодранной была,
Усталой, серою от пыли...
Аборигены рты раскрыли,
Когда к отелю подошла!
Уж было утро. Из-за гор
Вставало солнце, пламенея,
И окружающий декор
Пленил реальностью своею.
Отель уже давно проснулся,
Стоял автобус у ворот.
Транзитно-импортный народ
Лениво через двор тянулся.
И взрослые, и детвора
Усаживались, щебетали,
Конечно, спали, не устали,
В горах не шлялись до утра.
Я поскорее ключ взяла,
Ввалилась в номер и разделась.
Кроссовки пыльные сняла,
Воды холодной попила,
Помыться ужас как хотелось.
Пушистый отвинтила душ,
И долго под водой стояла,
Будто с реальностью союз
В потоках водяных искала.
Ну и конечно же, нашла!
Вода приятно освежила.
Немного отдохнуть решила,
Глаза закрыла, прилегла...

И моментально вверх пошла,
Себя остановить не в силах!
Опять за ним, опять за ней,
В туман, в безумие, в предсказанья,
Опять услышала шептанье
И топот призрачных коней...

Мой бог, да что ж это такое?!
Ведь я устала, мне б поспать.
Но поднимался, словно тать,
Парнас высокою стеною...
Нет, не дано мне отдохнуть,
Как я намеренье имела.
На исцарапанное тело
Пришлось рубашку натянуть
И в белый маленький музей
Пойти по утренней дороге,
Приветствуя в душе своей
Машины, лавочки, людей,
И птиц на мраморном пороге.
Вошла, и сразу увидела -
Возничий, бронза, пьедестал...
Рука изящная сжимала
Поводья. И у ног лежал
Букет. А влево ото входа
След босоногий уходил
В ущелье, вниз, где Стикс катил
Свои загадочные воды.
Я долго, долго вниз смотрела,
И думала - она ушла,
И свое маленькое тело
И свою тайну унесла.
Как гениальная актриса
Земли покинула чертог,

Оставив синие нарциссы
У бронзовых любимых ног.

Ну вот, прогулку завершила.
И как мне только удалось!
Но может быть с тобою врозь
Я буду жить теперь, Сивилла?
Уж потрудились! Столько строк,
Столько обещано в начале...
А вдруг и вправду прочитали,
Не вытолкали за порог?
Напрасно! Я ведь обещаний
Не выполнила никаких.
Морали нет, не видно знаний
Глубоких. В темноте преданий
Пригрелся разум и затих.
Реальности уснули рядом,
Бег информации уснул...
Лишь чувства дикого разгул
Достал внезапным камнепадом.
На ваши головы свалился,
Друзья наивные мои!
Да еще долго как продлился...
Простите! В мутные струи
Повествованья я нырнула,
Не зная, вынырну иль нет;
И закружил меня сюжет,
И бездна памяти втянула.

Ох, закружил, ох, насмотрелась!
Мы с вами насмотрелись вместе.
Возле вулкана обогрелись,
В таком неподходящем месте.
Теперь погас, не беспокойтесь,

Тетрадь на полку положу,
Сивиллу, осень и бомжу...
Нет, продолжения не бойтесь!

Пускай забыт, пускай закрыт,
На полке брошенный лежит,
В плену исписанной бумаги
Жар поэтической отваги,
Храня души печальной сон,
Луну, туманы, стадион,
Полет мифической квадриги
И страсти тяжкие вериги.

1994
Греция, Дельфы

Реквием... Стефания костел...
Скамьи черные, исповедальня,
Усыпальница - золотая спальня
Тех, кто раньше по земле прошел.

В глубине сияющий алтарь,
Длинные готические стены,
Свечи, витражи, совсем, как встарь,
Пылки, фанатичны, дерзновенны.

Так легко - в душе мирских забот
Будто никогда и не случилось,
Лишь самозабвение осталось
И непрерываемый полет.

Реквием... Стефания костел...
Солнце в воды озера садится,
И Христос над бедною блудницей
Руки милосердные простер.

1995
Вена

Б.С. Угарову

Телефон домашний твой
Я сейчас найду.
Нет тебя, учитель мой,
Ты три года неживой,
Но ответа жду.

Диск сияющий кружа,
Номер наберу.
В трубке зуммер зажужжал,
Поддержал игру.

Знаю, ты не подойдешь,
Я напрасно жду.
В небесах теперь живешь,
С серафимами поешь,
Иль горишь в аду...

Все равно я буду ждать
Час иль полтора,
Снова номер набирать -
Такова игра.

Только зуммер вдруг пропал,
Щелкнул рычажок,
Голос ласковый сказал:
“Что с тобой, дружок?”

Кто? Ну кто, конечно, я,
Ты же мне звонишь.
Здравствуй, девочка моя!
Что, опять шалишь?

Ни с того и ни с сего
Снова свет не мил?
Да? И рядом никого,
Кто б поговорил?

Где же ближняя родня,
Где же друг, сосед?..
Жаль, конечно, что меня
Больше в мире нет.

Но припомни, я ж тебе
Часто говорил -
В человеческой судьбе
Нет руля, ветрил.

На опасной крутизне
Указаний нет,
Как идти! Никто извне
Не подаст совет.

Но тебе негоже ныть,
Не обделена.
Утешение испить
Можешь ты сполна.

Красок чистые цветы
Отведут беду,
Кисти, белые холсты...

Ну признайся, разве ты
С ними не в ладу?

Так что сердца не смущай
Ни сейчас, ни впредь.
Ну-ка, ну-ка, обещай
Веселей смотреть!

Не печально, не всерьез
На судьбу взирать,
И ее метаморфоз
В голову не брать.

Успокоилась? Ну вот,
Все, беги, живи...
Чтобы минимум забот,
Максимум любви.

Ах ты, маленький чудак
Средь большой возни!
А если снова что не так -
Снова мне звони”.

1994

Печаль вокруг под вечер разлилась,
Печаль вокруг
Ко мне пришел сегодня старый князь,
Мой старый друг.
Он погасил светило в высоте,
Он светом сыт.
И все тоскует, плачет в темноте,
Все говорит.

Его слова, печальные слова
Находят путь.
Бегут ко мне, касаются едва,
Совсем чуть-чуть
Волос моих касаются и лба,
Потом щеки,
И вот уже послушная раба
В плену тоски.

О чем слова? Неважно, ни о чем.
И обо всем.
И грусть переполняет сердца дом,
Телесный дом.
Как речка в половодье разлилась,
Тоска, тоска...
Зачем, зачем явился старый князь
Издалека?
Да ладно, пусть сидит и говорит,
Ведь мы друзья.

Он подустал, он бедствиями сыт,
Совсем как я.
Под утро, где-нибудь к пяти часам
Уйдет мой друг.
И на пороге бросит в небеса
Светила круг.

1995

* * *

*Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал.*

Пушкин

Революцию делать не стоит,
Мы уже ее делали, хватит.
Кипятком тирании окатит,
Покрывалом безумья накроет.

Непрозрачным и угольно-черным;
В нем заплаты слезливых боязней,
Лицемерие, ужасы казней
И подачки лакеям покорным.

И вранье, и вранье без предела,
И просторы сибирских колоний...
Жить, конечно б, иначе хотела.
Только мне ли на возраста склоне

Тешить сердце надеждой пустой?
Оно, бедное, больше не верит,
Невозможен здесь век золотой
Ни растениям, ни людям, ни зверю,

Даже Богу... Он там в облаках
Вместе с нами печалится очень.
Но помочь или просто не хочет,
Или силы не стало в руках.

Повернул, покрутил бы штурвал,
Нас направил бы в благополучье,
Чтобы легче, счастливее, лучше
Человек на земле проживал.

Или может двуногое стадо
Заслужило развал бытия?
Все равно, умоляю, друзья,
Революцию делать не надо.

1997

Вам все огороды, мне все что помимо -
Земля без вмешательства, травы без грима...

Я их не сажаю, я их не корчую,
Не воображаю, что я им хозяйка,
Любовью свободною душу врачую,
Любовью взаимной.

Забыта нагайка,
Диктат, понуканье, копанье, сажанье,
Насилье - роди, что тебе приказали...
Нет, реки и горы, и синие дали,
Живите, свободные от посяганья!

Я вас обниму, мир доступен, охвачен.
Пускай за заборами персики зреют,
Пусть розы в самообожанье балдеют,
И нежатся в сладком густом аромате...

Нет, мне их не надо, пойду босиком
По мокрой холодной траве над рекою.
Что делать, тесны огорода устои,
Мне нужен весь мир, как он есть, целиком!

Мурлыча мотивчик незамысловатый,

Пойду по траве в направленье заката,
И луг сотворенный когда-то, исконный
Обнимет меня красотой незаконной.

И ласковый ветер, нетрезвый наверно,
Мне щеки погладит прохладой вечерней.
1996

*Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции, у моря.
И. Бродский*

День счастливый, миг счастливый, дар счастливый:
Написалось, получилось и осталось -
Так и вижу - берег охристый, оливы,
Императорской провинции отсталость.

Хорошо сказалось - “волны с перехлестом”.
Все равно я в них купаться бы полезла.
А потом бы написала: “Милый Постум,
Приезжай, тебе купание полезно”.

Полотенце бы моталось на веревке,
От купальника трусы висели рядом,
Листья падали в тарелку с виноградом,
И спокойно, как машина на парковке,
Чувства тешились блаженным променадом.

Солнце медленно б за горы уходило,
На бумагу тени легкие бросало...
Я б задумывалась, перышко кусала
И медлительные строчки выводила.
Ну а к ночи затрещали бы цикады,

В теплом воздухе повеяло цветами,
И запел бы низкий голос где-то рядом
Песню полную латинскими словами.

1999

Лицо мое не из последних,
Его ношу уже давно.
Конечно, постарело, но
Не хуже всяких там соседних.

И прочие свои наряды
Без антипатии ношу:
Восторга блески, мысли яды,
Пристрастие к карандашу,

Уже привычные морщинки,
Как полинялый пеньюар,
Печали дар и смеха дар,
И ощущение кабинки

Для прочих якобы даров -
Или даров, или нагрузок:
Пренебреженья вееров,
Престижности крахмальных блузок,

Белья интимности... Комод...
Да, я комод, и ключ потерян,
Одно лицо, как створка двери
Мои пожитки бережет.

Одежда в общем неплохая,
Да и нельзя ее сменить.
Конечно, истлевает, знаю.
Но кто ж решится обвинить.

Папашу Хроноса - один
Законодатель-господин.
Один... Ну как сопротивляться?

И виден в зеркале моем
Волос седеющих объем,
Морщин трагическое братство
И глаз печальных зеркала
Из потускневшего стекла...

И все ж лицо не из последних,
Его ношу уже давно.
Конечно, постарело, но
Не хуже всяких там соседних.
1996

Жизнь - сплошное ожиданье;
Ждешь зарплаты, ждешь свиданья,
Ждешь рожденья, смерти даже,
Лета ждешь, чтобы на пляже

Загорать... потом погоды
Ждешь, когда вернется мода,
Чтоб донашивать сандали,
Ждешь чтоб ласково сказали:

“Здравствуй!” Ждешь весны зимою,
Ждешь пожара, ждешь разбоя,
Сериала и варенья,
И конца стихотворенья.

Жизнь - сплошная неизвестность...
Ожидания окрестность
Вся сюрпризами набита -
У разбитого корыта

Будем все, кто ожидали -
Так и выбросим сандали,
Не доносим... Ждем напрасно.
Ежедневно, ежечасно

Вместо отпуска - работа,
Вместо умных - идиоты,
Вместо всех приобретений,

Ну там пляжей и варений,
Лишь хаос стихотворений...

В мелких буковках страницы
И бессонниц вереницы.

Жизнь - сплошные трафареты.
Было все на свете этом -
Зло, добро, мечта и вера,
Нищета миллионера,

Были драки, замирения,
Да, конечно, и варенье...
Но не те его съедали,
Были, были и сандали,

И любовь, ее приколы,
И семья была, и школа,
Неудачные репризы,
И погодные капризы...

Было все. И что ж осталось?
Жизнь - печальная усталость
И смирение, и насмешка
Над собой. Как головешка

Средь погасшего кострища,
Что лежит на пепелище,
Украшаясь пепла пухом,
Как сединами старуха.

Жизнь - загадка! Загадали...
А ответ... Как ветер воет!
Как метутся над трубою
Дыма легкие детали...

Как летит в бесшумных тучах
Месяц светлый, любопытный...
Он то знает, только скрытый.
Что же нам, возможно, лучше,

Не нащупавши ответа,
Для чего, мол, то и это,
Замирать от удивленья
Пред неясностью явления.

1996

* * *

Мне достаточно божьего дара.
Остальное для вас, забирайте.
В свои резвые игры играйте
Без меня, я исчезла с базара.

Затворила ларек,
И замок
На пятьсот оборотов закрыла.
Ключ закинула в речку, чтоб было
Никому, никому невдомек.

Почему, для чего и зачем
Здесь кусками души торговали,
По ничтожной цене отдавали,
Или даже задаром совсем.

Я ушла и остатки товара
Унесла. Как рюкзак за спиною
Ощущение божьего дара,
Что остался непроданным мною.

1996

* * *

Олегу Огурцову

Ну почему не ценишь ты
Мой светлый ум, мои таланты?
Уйду в себя, как в эмигранты,
Как в беспризорные коты.

Внутри себя произведу
Разборку с пьянкой, перебранкой.
И, утомленная изнанкой,
К тебе, конечно же, приду...

Вся исцарапана, побита,
Всем сомнениям финита.

И вот он ты - сидишь, жуешь,
Веселых глаз с меня не сводишь.
Доволен, что легко живешь
И в эмиграцию не ходишь!

1993

По поводу меня был поднят пистолет.
Уж сколько лет живу, а все одно и то же -
Стреляться вынуждена. Секундант-сосед
Похоже очень недоволен и встревожен.

“Теперь сходитесь!” Нам сойтись бы за столом,
Поесть и выпить, обсудить свои проблемы...
Но мы друг друга обязательно убьем,
Поскольку честь - основа нравственной системы.

Все ближе дуло... Я на пальчики подула;
Известно, холодно; ведь это же зима.
Еще разок на окружение взглянула:
Деревья, речка - разлюбезная тюрьма
Материальности. Прощаться неохота,
Но вынуждают... Снег все явственней скрипит,
Еще полшага, выстрел яростный звучит,
И пуля в сердце наподобие пилота

Целенаправленно влетает. Мой сосед,
Мой секундант со мною возится, конечно...
Зачем возиться? Никакой надежды нет,
Свеча погасла, металлический подсвечник

Лежит тяжелый. Вот дурацкий результат
Традиционного понятия о чести...
А мой противник, бывший друг, почти что брат?
Убит и он! Летим, летим куда-то вместе.

И, продолжая обсуждать свои проблемы,
Находим выход, замиряемся, смеемся...
И смотрим вниз - а там из шелка хризантемы,
Там слезы близких, там зима и много солнца.
На нереальном нежно-розовом снегу
Лежат изысканные голубые тени,
Искрится воздух с легким запахом сирени,
И убегает, пропадая в отдаленье,
Лыжня, проложенная мною на лугу.

И вся дуэль нам просто кажется предтечей
Мгновенья счастья, предоплатой за него.
Смотри - мой дом! Вокруг него копится вечер,
Герани в окнах, между ними божество
В обличье кошки... Вон рубашка на балконе
Позолотилась рыжим светом из окна,
Вся эта прелесть в фиолетовости тонет.
И вот уже на небо полная луна

Восходит царственно, огромен диск ее,
Почти что гасит звезд серебряные свечи...
Мир погружается в покой и забытье,
Остынуть должен после выстрелов у речки.

Там тоже ночь, и снег уже засыпал вроде
Следы стрелявших и свидетелей следы.
Лишь подо льдом струя холодная воды
Лепечет сонно о моральной непогоде,
О дуэлянтах, озабоченном народе
И о проблемах человеческой среды...

1999

До свиданья, моя Хоста,
Оставайся с миром.
Счастье - это очень просто,
Как пакет с инжиром.

Как твои золотые волны
Вечером за мысом,
Как таинственный, безмолвный
Уголь кипариса.

Как отсутствие знакомых,
Грохот эстакады,
Вечерами возле дома
Танцы, променады...

Хоста, ты прекрасней рая!
Он вот только вечен,
А с тобою истекает
Время нашей встречи.

Улечу в Москву, как птица,
Чтоб зимой томиться,
Пребывая в ожиданье
Нового свиданья.

1991

ВЕЧЕР В МАСТЕРСКОЙ

Люблю таинственный свет,
Когда вечером на портрет
Падает луч горячий,
Краски смеются, плачут,

Дышат и оживают:
Волосы, уши, тени,
Шея совсем живая,
Розовые колени...

Свечи кольшут пламя,
Пульсирует кровь под кожей -
Это чудо руками
Сделано быть не может!

Рядом все тихо, серо,
Нарисовано мною,
А здесь - горячее тело,
Зеркало за спиною,

В нем смиренно и нежно
Гаснут краски заката,
Рядом горкой одежда,
Тихий взгляд виноватый,
Что вот так обнажили...

Но луч уходит по стенке,
Будто бы и не жили,

Краской стали коленки...
Все погасло и снова -

Вечер, сумрак, картины...
И лишь горячее слово
Помнит праздник недлинный.

1996

Я забыла все, забыла, бросила,
Душу вымыла, прокупоросила,
Завтра побелю - и все, привет,
Никаких правдоисканий нет.

В сердце лишь с судьбою примирение,
Тишина и солнышко осеннее
Смотрит на сияющий паркет,
Одобрят новенький сюжет.

Одобрят скатерти крахмальные,
Полки книг, пространства зазеркальные,
Тиканье часов на глади стен
И в хозяйстве массу перемен.

Прежде сумрачна и озабочена,
Как рапира острая наточена,
Вечным противостояньем зла,
Вечным камикадзею была.

А теперь... Как панацею съевшая,
Установки все пересмотревшая,
Беззаботна стала и легка.

Да ремонт, себя преодоление,
Квартирантов старых выселение
Ото всюду, даже с чердака.

1996⁶ Зима, зима, уже три дня...

Так рано? Видно, услышала,
Как я весною тосковала.
Пришла, утешила меня.

Снег белый все идет, идет...
Ложится, землю укрывает..
Такое изредка бывает,
Лишь изредка, не каждый год.

Из неба, темного на вид,
Из непонятого пространства,
Беззвучное непостоянство
На мир остывший летит.

И в белизне морозных снов
Преображаются, светлеют,
Глухие, темные аллеи
Меж охраняющих стволов.

И озеро... Оно весной,
Как лужа темная лежало,
Преобразилось, засверкало
Покрылось коркой ледяной.

По ней снежинки впопыхах
Текут беззвучными ручьями,
И вверх взмывают, точно пламя...
Ужели осень терпит крах?

Ужель осенние дожди,
Промозглой сырости тусовки
Уже остались позади
Проеханною остановкой?

И можно снова, боже мой,
Смотреть в окно на вечер синий,
На снег, слетающий к рябине,
Как на каникулы домой.

И вновь, под лампою, опять,
Под золотистым абажуром,
Укрывшись шалью, насмех курам,
Романы старые читать.

1995

*Не говорите мне о восхищении.
Это чувство не стоит имени
чувства. Говорите мне о любви:
я ее жажду.*

Пушкин

Вечер мартовский в синем окошке погас,
Снова старые письма читаю;
Может сотый, а может и тысячный раз,
Словно воду живую глотаю.

Автор умер, не сможет уже натворить
Эпатажей, вояжей, дуэлей...
Его можно теперь безоглядно любить,
Без упреков, без боли, без цели...

И без ревности... Женщин, которые с ним
Были в разных своих отношениях,
Обожаю, вдыхаю любовный интим,
Как дымок в ароматных куреньях!

Не пеняю врагам его или друзьям
(Он сблизил антиподы-понятыя),
Становились мишенью его эпиграмм
И друзья, и лицейские братья...

Так случилось - люблю даже свинство его!
Уж про слабости нету и речи.

Он причина иль я, иль вверху божество,
Но, как видно, назначенной встречи

Не дано было мне миновать, избежать...
Что ж, любовь - неплохая затея!
Мне она, коль по совести правду сказать,
Всех других состояний милее.

1997

Содержание

Калейдоскоп	7
Ах, сколько же всего	16
На сердце нарезки	19
На Черной речке	20
Вода, обычная вода	22
Какая изящная нынче весна	24
Установлены кем-то	26
Какая тайна, ну какая тайна	27
Красавице	30
Планета неблагоприятий	32
Закона смысл не изменю	33
Возвращение	35
Им бы давно меня клонить	37
Неплохо мне жилось	39
Ну да, не очень был удобный	41
Сонет	43
Творческий процесс	44
Мир так хорош	46
Обожаемый гений	48
Солнце плавало в море	50
Снится море	51
Ваш дар пленителен	53
Она для нас	56
Стихи - это только мгновенья	58
Зачем же так уж, мой поэт?	60
От уважаемых услышала	63
Ничего уже не надо	64

Хорошо тебе, Пушкин!	66
Нелепо, до чего ж нелепо	67
Уехал цирк	69
Восточный мотив	72
На протяжении семидесяти лет	76
Пророчица	78
Икар	80
Ах, ты только не подумай	83
Я согнулась под тяжестью	85
Что бы стоило вам отказать	86
Настоящий поэт	87
Болтаю и забалтываюсь с вами	89
Полет, полет	91
Как скоро забылась	93
Беспрестанный дождь идет	95
Ой, сколько же засохших мух	96
Бог Аполлон ко мне пришел	97
Отец из греков был	100
Испанское шоу	103
Дон Гуан	106
Ну что мне в имени твоём	108
Нет, нет не повторю	110
Реально только гениальное	113
Бранят уж сотни лет	115
Стихи и правда золотые	117
Все в норме	119
С окруженьем ладить не умею	120
Тело дали мне	122
Я знаю, там, куда ушел	123

Какой жестокий диссонанс	124
Баня Гогило	126
За окошком	128
Шутка	130
Прогулка	147
Реквием... Стефания костел	167
Телефон домашний твой	168
Печаль вокруг под вечер	171
Революцию делать не стоит	173
Вам все огороды	175
День счастливый	177
Лицо мое не из последних	179
Жизнь - сплошное ожиданье	181
Мне достаточно божьего дара	184
Ну почему не ценишь ты	185
По поводу меня	186
До свиданья, моя Хоста	188
Вечер в мастерской	189
Я забыла все, забыла	191
Зима, зима, уже три дня	192
Вечер мартовский	194

Альбина Акритас

КАЛЕЙДОСКОП

Дизайн и верстка В.В. Сальник, М. Беловой.

Корректурa Т.А. Цыгановой.

Набор М. Беловой, Т. Сергиной,

И. Евдокимовой.

Тираж 1000 экз. Заказ №
Лицензия № 061088 от 14.05.97 г.
Отпечатано в ОАО
“Внешторгиздат”